

ДРАКОНОВЫЕ ЗЕМЛИ

Kuras Ratonar

Kuras Ratonar

Драконовы земли

«Автор»

2026

Ratonar K.

Драконовы земли / К. Ratonar — «Автор», 2026

Озадаченный дракон разглядывал три яйца в своей пещере. Им уже было полгода, и через полтора из них должны были вылупиться детёныши, но без должной заботы матери они рисковали вовсе не появиться на свет

© Ratonar K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Разлука	5
2. Кошмары и грёзы	10
3. Незванный гость	15
4. Небольшая беседа	20
5. Тревожные вести	26
6. Перелёт	32
7. Скрытая Долина	38
8. Око	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Kuras Ratonar

Драконовы земли

1. Разлука

Дракон Трефалкир был в смятении, поглотившим его почти что целиком. Участник сражений в Западных Равнинах против опасных чародеев, самый умелый дракон в использовании чёрной магии за последние триста лет не знал, что и как ему делать дальше. Беспомощность лишала его сил и решимости. Вчера его подруга, ледяная драконица Азайлас, улетела на родные северные горы. Она покинула его, и Трефалкир мог её понять, ведь, несмотря на свою принадлежность к лесным драконам, обитавшим на юге, рос и воспитывался на севере. Он на своём опыте знал особенности и специфику взаимодействия между ледяными драконами. Замкнутые ксенофобы, живущие в добровольной изоляции от остальных сородичей, иногда впадали в буйство и начинали что-то вроде беснования на своих горах, спускаясь иногда даже во владения людей к северу и на земли других драконов.

Азайлас чувствовала волнения родственников, сама кровь звала её домой. Однако до недавнего времени она контролировала это безумие, может, потому что жила далеко от снежных вершин. Крупная сине-белая самка с тяжёлыми крыльями, позволяющими ловко и стремительно маневрировать при холодной погоде и сильных ветрах, отчаянно страшилась кровопролития между сородичами, коих и так было не столь много. Но цикл природы уже начался: со всех сторон света к холодным пикам слетались ледяные драконы, возможно теперь повинуюсь зову природы больше, чем разуму. И её спутник жизни, тёмно-зелёный Трефалкир, вполне мог полететь с ней, по крайней мере, так и сделал бы пару лет назад. Но по причине, по которой пока не прощал своей Азайлас уход, не мог. Просто не мог. В неглубокой пещере, которую вырыл и обустроил сам четыре года назад на этом небольшом лугу, озадаченный самец разглядывал три яйца. Им уже было полгода, и через полтора из них должны были вылупиться детёныши, но без должной заботы матери они рисковали вовсе не появиться на свет.

Герой минувшей, жестокой войны устал от сражений и хотел всего лишь иметь свою семью. Краткое счастье рассыпалось, как речной песок. Он любил свою подругу, сердце вопило о неправильности случившегося, требовало вернуть её, и в то же время: он не мог покинуть малышей. Тяжело выдохнув, земляной дракон лёг на каменный пол, притянул троих детей хвостом к себе и начал дремать, снедаемый тоской и разлукой. Леса, в которых располагалась территория Трефалкира, были обширны и тянулись на очень большое расстояние. Настолько необъятное, что, пожалуй, только король всех драконов, Нивервир, на своих могучих крыльях смог бы за день без перерыва долететь с южных пределов до самых северных. Все прочие родичи проделывали это дня за три или четыре.

Здесь каждый дракон жил на своих владениях, охраняя охотничьи угодья от сородичей, прочих зверей, и, конечно, от людей. В этом отношении лес не был густо заселён драконами: многие погибли в недавней войне, да и не все соглашались жить в этой части мира, где было неспокойно, а напоминания о кровопролитии были совсем рядом. Кто-то предпочёл осесть ближе к безопасному, небольшому мирку, Скрытой Долине, и лишь иногда отдаляясь от того

измерения ради приключений или по какой-то своей необходимости. Зелёному дракону вместе с его спутницей там места не нашлось. Дело было в его знаниях чёрной магии, многие недолюбливали эту сторону волшебства, считая, что оно калечит и искажает саму душу дракона. А уж после войны, это искусство заиграло совсем уж недобрыми красками.

Трефалкира просто боялось и избегало большинство сородичей, несмотря на то, что он помог приблизить победу, и в то же время это и было причиной. К тому же, не все спокойно отнеслись к его союзу с ледяной Азайлас. Межвидовое скрещивание не поощрялось. Хотя своего детства в южных и тёмных лесах, дракон не помнил совсем и особой принадлежности к земляным родичам не ощущал. Да и было ему всё равно — они любили друг друга, поэтому оба решили жить в некоем уединении, лишь иногда навещая знакомых в Скрытой Долине. Но им было не привыкать к такой жизни: оба росли на снежных пиках, где если за месяц мельком в небе увидишь ледяного дракона, то это уже большое событие.

Именно там Трефалкир и был научен чёрной магии и её изыскам одним старым, невероятно старым, ледяным драконом. Тот был настолько древним, что тело местами начинало превращаться в лёд. Как именно звучит имя своего названного отца, он не помнил, помнил лишь, что оно означало: одним взмахом крыла заморозить гору. У каждого дракона имя имеет своё значение. Видимо, холод и бесконечный снег открыли в сознании ледяного новую сторону и глубину волшебства, которое тот и передал зелёному драконышу. Нынче Трефалкир не мог вспомнить и того: жив ли был старик, когда он решил спуститься с гор. Да и это не было важно, сейчас его волновало, что делать со своим потомством. Как самка, Азайлас действовала интуитивно: в нужное время согревала яйца, в иное оставляла без вмешательства.

Её спутник такими познаниями не обладал, а учитывая, что их дети смешанной крови, им необходим непростой уход. Все знают, что яйцам ледяных нужен иногда холод, а яйцам земляных нужно чаще бывать в тени, временами поддерживать тёплую, по меркам дракона, температуру, а с яйцами огненных вообще беда, постоянно нужно поддерживать пламя. Азайлас принесла три яйца, два бурых и одно слабо-зелёное. Пока рано было судить о влиянии стихий. Трефалкир надеялся, что через несколько месяцев появится больше отличительных черт в окрасе, и тогда, быть может, он сможет более точно подобрать уход. Ведь он же самый талантливый дракон в волшебной силе и знаниях, он и не такое проходил.

Война с людьми, с человеческими магами в основном, которые возомнили о себе слишком много. Дракон-чернокнижник, прозванный так за то, что не брезговал читать старые манускрипты, видел её начало спустя четыре года после спуска с северных гор. Трефалкир был одним из тех, кто помог юному королю Нивервиру в том, чтобы истребить этих волшебников. Настолько опасными умениями те завладели, настолько ужасные вещи те творили. Праведный гнев обрушился на забывшихся людей, но те оказались опасными противниками, и многие драконы погибли. Не все они обладали сильной магией, и человеческое волшебство могло сильно ранить. Так же люди действовали хитростью, использовали ловушки, даже пытались создавать подвластных себе драконов. Гибридов, извращённых химер...

Сквозь дремоту Трефалкир потряс головой, отгоняя неприятные воспоминания. Но так или иначе, те знания для людей были потеряны, и на какое-то время угроза с их стороны была уничтожена — война окончена. Дракон приоткрыл тёмно-оранжевый глаз, взглянул на своих детей, сильнее прижал к себе, надеясь, что тем не доведётся участвовать в чём-то подобном, как пришлось ему. Такая близость усиливала дремоту, и наконец он глубоко уснул. Один в пещере, которую ещё с утра делил с возлюбленной.

Тем временем Азайлас летела на север, домой. Она улетела днём, но спустя четыре часа медленного и тяжёлого полёта устала: её крылья были предназначены для совсем другого климата. И сама она выделялась своим окрасом в густых лесах, такая неуместная, чужая. Ледяная самка пролетала владения других драконов без пауз и задержек, такие встречи не всегда заканчивались мирно. Буйство и безумство родичей звали её, холод растекался по её крови. Драконица продолжила свой путь, даже когда лапы коснулись земли. Она часто поднимала голову с десятью причудливыми рогами, больше похожими на застывшую воду, вдоль челюстей, затылка, надбровных дуг к небу, озабоченно приносясь. Азайлас ждала, когда наконец подует холодный ветер или же просто придёт менее тёплая погода. В итоге, гонимая зовом, до позднего вечера она так и шла на лапах. Лишь к ночи опустилась прохлада, крылья легчали, и она смогла продолжить свой путь по тёмному небу, закрытому от луны и звёзд тучами, в более быстром темпе.

Когда рассвет озарил лес, Трефалкир первым делом попытался внутренним, чародейским взором отыскать свою подругу. Получилось это без труда — Азайлас всё ещё была в пути, и молодой дракон знал, что по мере её приближения к владениям ледяных драконов перестанет её видеть. Слишком сильная магия самих гор, с этим он ничего не мог сделать. Посмотрел на троих детей, чьё вылупление было под вопросом, порадовался, что во сне всё прижимал их к себе. Коснулся скорлупы носом, пытаясь почувствовать температуру внутри, думая, нужно ли сейчас их греть. Впереди предстояло нелёгкое время. Спустя неделю подавленный дракон перестал видеть возлюбленную, значит, она добралась до снежных пиков, и теперь сами ветра и снег закрывали её образ от его прорицания.

За всё это время Трефалкир почти не двигался, лишь заботился о малышах, согревая их огненным дыханием, иногда ставя под лучи солнца. Про себя он не мог думать, голода не ощущалось, да и сильной жажды пока тоже, а желания что-то делать так вообще не было. Земляной дракон знал слишком хорошо, что Азайлас может и не вернуться. Буйство ледяных происходило с периодичностью от двадцати до пятидесяти лет и длилось до трёх нелёгких годов, пока там вновь сам собой не устанавливался порядок. Могла же его подруга не полететь туда? Да, наверное, да. Могла проигнорировать этот зов крови, ведь ей было ради кого остаться. Но что сделано, то сделано.

Спустя ещё три недели, когда дракон начал ощущать слабость в когтистых лапах, он решил всё же выйти на охоту. Не хотелось, но он заставил себя, ко всему прочему нужно было

облететь свою территорию. За это время могли забрести чужаки, и не всегда они хотели просто пройти куда-то дальше, соблюдая нейтралитет. Пока неприятных инцидентов в этих лесах с ним не случалось, но сейчас он остался один со своим потомством, поэтому был более осторожен. Спрятав яйца в пещере, Трефалкир скрыл её от лишних глаз волшебством, неуверенно потоптался на месте и взмыл в небо, решив сначала облететь границы на предмет незнакомцев, а затем направится к месту, где было больше всего шансов быстро найти добычу. Обычно некрупный самец охотился из засады, выжидая и таясь в тених листвы. Почему-то ему особенно нравилась такая тактика, но сегодня, как и в ближайшие года, не было на это времени.

Поэтому он спикировал вниз, как только увидел стаю оленей, неаккуратно ломая ветки деревьев. Найдя свою жертву когтями, не прерывая полёта, он взмыл вверх и направился обратно к своей пещере. Сейчас он больше походил на орла с пойманным зайцем. Этого ему хватит на несколько дней, аппетита всё равно нет, а есть нужно лишь для поддержания сил. Всё изменится, когда вылупятся чада. Если они вылупятся. После трапезы Трефалкир долго вслушивался к еле слышному сердцебиению за крепкой, костеподобной перегородкой. Такие слабые, такие беззащитные. Непривычное щемящее чувство внутри, состоящее из любви и тревоги. Он пристально разглядывал яйца, стараясь отыскать новые пятна, узоры, по которым можно будет судить о расположенности детей к тому или иному роду, раз уж они были смешанной крови. Дракон тревожился не без причины: из ста таких детёнышей вылуплялись только сорок, остальные шестьдесят рождались мёртвыми. Конечно, чуть меньше половины шансов выжить не столь плохо, однако всё было не безоблачно.

Такие детёныши не всегда выживали и после вылупления, обладая разной кровью и иногда слабыми для их силы телами. Но те, кто всё же выживали, могли стать чрезвычайно одарёнными особями. Как из соединения двух стихий, могло появиться что-то уникальное, необычное, так и в случаях смешивания разной крови рождались особые в своей неповторимости родичи. За свою жизнь чудной дракон встречал одного такого крылатого ящера: дочь лавового дракона и штормовой драконицы, Зотарес. Она была очень крупной, больше любого из своих сородичей, и переняла силу от обоих родителей. Ударом хвоста она могла дробить камни, а махи крыльев могли проносить её сквозь бушующую бурю. Но самая главная особенность заключалась в её дыхании. Не огонь, но что-то среднее между пламенем и молнией. Оно сжигало всё, буквально проходило насквозь всего, что встречало на своём пути, порой и огонь других драконов.

Поэтому неудивительно, что она без особых проблем стала лидером лавовых сородичей, в равной мере и уважающих, и опасавшихся её силы и нрава. Земляной самец с широкими, кожаными мембранами у затылка не мог назвать Зотарес справедливой и милосердной. Сказывался резкий нрав штормовых драконов, но его, как мага, очень заинтересовало её дыхание. Пришёл к выводу, что это действительно результат смешения молнии и твёрдого огня. И вот сейчас с таким же подходом он пытался найти хоть какие-то отличительные признаки на скорлупе.

На одном буре начали выступать фиолетовые прожилки, на втором буре пока ничего. А вот с зелёным произошло куда больше перемен. Цвет стал более насыщенным, и появились чёткие голубые крапинки. Яркая выраженная земляная стихия с вмешательством воды или льда.

Трефалкир отметил, что этому яйцу не нужно много жара, может, даже стоит иногда держать в воде, как делают водные драконы: морские и речные. Его беспокоило бурое яйцо без всяких признаков, ведь неправильный уход мог навредить детёнышу, если не погубить. Зелёный дракон решил пока поддерживать одинаковый уход за бурыми. Разве что, то, с фиолетовыми прожилками, которые были пока еле заметны, надо меньше выставлять на солнце. Ему не хотелось сделать что-то неправильно, ведь он в ответе за них. «Всё же самки лучше чувствуют, как следует ухаживать за ними», в очередной раз подумал чернокнижник, отодвигая зелёное яйцо от двух остальных.

Жизнь шла своим чередом, прошло несколько месяцев, и Трефалкир чувствовал себя несколько уверенней. На всех яйцах стали проявляться признаки той или иной стихии, самым неожиданным стало то, что бурое без прожилок стало краснеть. И земляной самец волновался, потому что не знал, какой жар безопасен для этого детёныша. А температуру надо было повышать, потому что иначе драконёш внутри не сможет вынести даже огня собственной крови и буквально сгорит изнутри. Но опасно было и слишком резко повысить температуру. Как-то вернувшись с обхода своих границ — дракон всегда задерживался у северной, тщетно пытаясь взором отыскать свою Азайлас — он обнаружил на красном яйце трещины. Тогда впервые за всю недолгую по меркам своего вида жизнь он ощутил себя беспомощным.

На данном этапе трещины были опасны, и сложно сказать, почему они вообще появились. Он прислушался и с ужасом обнаружил скачущее сердцебиение внутри. Нарушалась герметичность, и малыш внутри мог погибнуть. Трефалкир не знал, что ему делать. Единственное, что пришло в голову: это залатать яйцо магией, молясь, чтобы эта самая магия не ударила по детёнышу. Бормоча заклинания и чаруя своё пламя, зелёный дракон принялся слегка выдыхать на трещину огнём, принявшим более тёмный цвет, чем обычно. Минут двадцать он бережно держал яйцо в своих передних лапах и ещё более бережно направлял пламя. Наконец трещины начали затягиваться. Выдох облегчения. Он всё ещё слышал биение детёныша, уже более спокойное, значит, всё в порядке. Напуганный этим происшествием Трефалкир целую неделю не покидал своё потомство, тщательно наблюдая и следя за малейшими изменениями.

2. Кошмары и грёзы

Неумолимо приближалось долгожданное вылупление детенышей, и Трефалкир просто не находил себе места. Дракон нервно наматывал круги по своей пещере, почти не спал, лишь изредка погружаясь в призрачную дремоту. И у него были весомые причины для беспокойства. Он смог разобраться, как ухаживать за яйцами, потому что в итоге, на каждом проступили отличительные признаки той или иной стихии. Одно было с чётким влиянием ветра и льда, бурое с фиолетовыми прожилками. Неожиданно чисто огненное яйцо тёмно-красного цвета. Яркое голубовато-зелёное, даже сейчас он затруднялся сказать, какая стихия, земля или вода, возьмёт верх. Каждому требовался свой уход в силу их различий, и с этим дракон справился, раз все три яйца уцелели до момента вылупления.

Зелёному и бурому он давал обычное количество жара, а огненное пришлось несколько раз на дню обдувать сильным пламенем. Трефалкир очень надеялся, что ему удалось постепенно повышать температуру огня. Зелёное яйцо каждый день часа четыре он держал в реке. Дракон брал с собой всех детей, боясь оставить остальных в пещере одних, и бережно нёс их всех к ближайшей речке. Передними лапами он становился в воду и ставил перед собой яйцо, два других он размещал на пятне солнечных лучей, прорывавшихся сквозь густую листву, и оббивал чешуйчатым хвостом. Не особо удобная поза для задних лап, но так ему было спокойней, когда всё было под контролем.

После речной прогулки он обычно занимался фиолетово-бурым яйцом, ветреная стихия тоже требовала внимания. В лесу попросту не существовало места, где можно встретить порывистые и постоянные ветра, как это бывало в горах, поэтому дракон где-то на час помещал яйцо в наколдованный небольшой вихрь. Не особо безопасная мера, но выбора не было. У самца создавалось ощущение, что детеныши внутри довольны и радуются таким прогулкам. Ему казалось, и он не мог сказать самообман это, вызванный одиночеством, или он в самом деле начал улавливать их эмоции. Последняя мысль выглядела слишком привлекательной, чтобы безоговорочно поверить в её правдивость. В пещере земляной дракон обустроил места для яиц, которые требовали слишком разного ухода, чтобы держать их в одном общем подобии гнезда. Для красного он соорудил что-то вроде выемки с желобами, по которым струился огонь, для бурого почти ничего нельзя было сделать, а зелёному он вырыл яму в земле и держал по большей части в тени.

Время пролетало достаточно быстро, но не было ни одного дня, когда дракон не думал о своей возлюбленной. Каждый день он пытался отследить её прорицанием, и лишь изредка что-то неразборчивое пробивалось сквозь белую пелену снега. Только это и позволяло думать, что его Азайлас ещё жива. Никаких новостей до него не доходило — Трефалкир не появлялся в Скрытой Долине, не желая надолго оставлять потомство. Возлюбленная могла не вернуться, а их дети были здесь. Война научила его принимать и отпускать, но просто так смириться он не был готов. Продолжал прикидывать, когда он сможет сам отправиться на север и вернуть Азайлас, уж точно не раньше того момента когда детеныши научатся летать. Но до этого ещё надо было дожить. До этого им предстояло благополучно вылупиться.

А это нелёгкий процесс, прежде всего потому, что Трефалкир почти ничего не знал об этом ровно, как и об уходе за детёнышами в первый годовой период. Самки обычно помогают малышам выбираться из прочной, защищающей скорлупы, когда те пытаются выбраться наружу. Если этого не сделать, то драконыши внутри просто задохнутся, а если сделать слишком рано, они тоже рискуют погибнуть. Чернокнижник надеялся, что инстинкты, а также собственная наблюдательность подскажут ему. Да и отпрысков он сможет видеть глазами и больше понимать их потребности, а не строить выводы лишь на основе логики и своих познаниях в формировании стихий. Во всяком случае, дракон хотел верить, что так будет и что он не растеряется.

Но всё же некая доля потерянности и беспомощности присутствовала. Вот уже несколько мучительных и тревожных дней внутри яиц слышались новые постукивания и скрежет. Что это: нормальные ворочания или уже попытки проломить скорлупу? Самец не знал, а потому почти непрерывно следил за яйцами, стараясь поймать взглядом малейшие изменения, слушал. Он не спал уже долгое время, от подкатывавшей к горлу тревоги голова шла кругом. Трефалкир периодически погружался в дремоту, но просыпался от малейшего шороха. Правда, почти все звуки ему всего лишь мерещились, так сильно он опасался пропустить нужный для вылупления момент.

Солнце уже начинало садиться, опалая своим тускнеющим, розоватым светом пещеру, и дракон не заметил, как провалился в неглубокий, смятый сон. Ему привиделись северные горы — место, где он вырос. Белое, равнодушное однообразие пейзажей. Злой и порывистый ветер, который, казалось, никогда не останавливался. Кто бы что ни говорил: те горы были величественными, пускай и колючими в своей враждебности. Внезапно образы стали меняться, накатила невыносимая, рвущая душу тоска. Он боялся того, что сейчас узрит, он не хотел этого, но смотреть было необходимо. Впервые за год Трефалкир, пускай и смутно, но увидел свою Азайлас. Мысленно дракон изо всех сил потянулся к ней, но не сумел приблизиться, лишь ощутил внезапный вкус холодной крови на губах и гладком языке.

Драконица, широко раскрыв пасть и обнажив короткие клыки, ревела на другого ледяного дракона. Тот был крупнее и старше, но пугало не это. В обычно добрых и понимающих светло-зелёных глазах возлюбленной горел яркий огонёк безумия. Трефалкир уже видел такое, сомнений не возникало. Он буквально начал тонуть в отчаянии. А ледяной самец взлетел и ударом хвоста обрушил на Азайлас ледяные глыбы, а та ослеплённая сумасшествием не двигалась с места, яростно продолжая рычать, сокрушая рёвом визгливое завывание ветра. В какой-то бессознательной и безнадежной попытке помочь ей Трефалкир попытался что-то сделать, хоть что-нибудь. Но тут его слух прорезал отвратительный треск льда, обрушившегося на его возлюбленную. Этот же треск, оглушающим громом отразившийся в его сознании, вырвал земляного самца из сна.

Он открыл тёмно-оранжевые глаза на судорожном вздохе, какой обычно делает утопающий, хватая, возможно, последний в жизни воздух. На протяжении безумного момента чернокнижник не понимал, что сон уже закончился, видение померкло, потому что продолжал слышать этот треск. Эхо в сознании слилось с настоящим звуком. Трефалкир, ещё объятый ужасом, взглянул на яйца и замер на несколько секунд, только потом подскочил к ним. Бурое

яйцо было просто разломано изнутри — крупный кусок скорлупы валялся в противоположном конце пещеры. В обломках шевелился сине-фиолетовый малыш. Он вяло шевелил лапками, побег из почти двухгодичного заточения его измотал.

Трефалкир, испытывая невероятно трогательное и особенно после ужаса сна хрупкое чувство к появившемуся малышу, не заметил, что потекли слёзы из глаз, посмотрел на двоих оставшихся. Огненное яйцо чуть шаталось и покачивалось, наверху проступали трещинки. А вот с зелёным яйцом творилось что-то странное: оно чуть дымилось, а сколов и трещин было больше, чем на красном. Дракон решил сначала помочь этому малышу, но прежде чем он успел взять яйцо в лапы — скорлупа в местах расхождений зашипела, и драконыш вывалился на пол. Он словно отплёвывался или выдыхал пламя, только вот никакого огня не было. Не могло быть, ведь драконята до трёх лет обычно не выпускают огонь. Но самое главное, что светло-зелёный малыш дышал.

Ещё не отошедший от всех потрясений, Трефалкир взял последнее яйцо и начал бережно расковыривать, подцеплять скорлупу желтоватыми когтями. Вскоре и последний малыш, самого настоящего цвета алых цветов, был на свободе. Все трое оказались самцами. Невероятное облегчение снизошло на Трефалкира. Оно подкосило его лапы, он почти что рухнул, тяжело дыша, на пол пещеры, из которой ещё не ушёл закатный, обманчивый свет. Но теперь лучи солнца приобрели чуть грязноватый оттенок и почти не освещали стен дома. Облегчение. Этот кошмар закончился, и не важно: шла речь о сне или долгом и опасном периоде ухода за детёнышами. Под вихрем обрушившихся на него чувств, дракон минут десять просто лежал на каменном полу.

Старшее чадо уже оправилось от стресса и пыталось встать на крохотные лапки. Он увидел в стороне двоих братьев и, судя по всему, очень хотел рассмотреть их поближе. Вид у него был самый что ни на есть удивлённый и озадаченный. Сине-фиолетовые лапки подгибались, но драконыш упорно пошёл вперед. Сейчас Трефалкир обратил внимание, насколько тот крупнее своих младших братьев. А они тем временем старательно моргали, пока ещё только мембранами глаз, и тяжело дышали. Свет в пещере совсем померк. Для взрослого дракона это не проблема, а вот для малышей это было очередное потрясение, сродни бегству из двухгодичного заключения. Они начали периодически повизгивать, слабый отголосок будущего рёва.

Взрослый самец наблюдал, как старший сын всё же дошёл до своих собратьев и начал неуклюже тыкать их своим носиком. Зелёный драконыш начал пытаться принюхаться, но в итоге только чихнул. Красный же, следуя примеру брата, пытался встать, что ему удалось. Но лапки на первом же шаге подкосились, и малыш завалился на бок. Тут их отец окончательно пришёл в себя, трогательная забота и любовь растекались по его венам, побуждая его встать. Трое братьев среагировали на новый для них шум, начали крутить крохотными головами и инстинктивно звать на помощь мать. Когда Трефалкир приблизился к ним и наклонил свою голову, малыши сгруппировались у него, обнюхивая и нелепо тыкаясь.

Дракон перенёс их по одному в заранее подготовленное место. Еще неделю назад он своими лапами свил небольшое гнездо из гибких веток ивы и пушистых веток ели. Наверняка,

можно было сотворить что-то получше, используя магию, но его дети ещё чисты и невинны, так что родитель отверг эту идею. Первым он решил перенести, держа в когтистой лапе, светло-зелёного малыша, так как тот до сих пор не вставал. Затем был огненный малыш. Обернувшись в третий раз, самец увидел, что старший драконыш медленно, но самостоятельно идёт к гнезду вслед за отцом. Некое чувство гордости зародилось внутри, но не помешало взять малыша и перенести его через высокий борт приятно пахнущего жилища.

Дети ненамного превышали его переднюю кисть, за исключением старшего: тот был раза в полтора больше. Трое драконышей деловито пробовали исследовать новую обстановку. К радости Трефалкира, светло-зелёный наконец встал на лапы и достаточно уверенно делал первые шаги. Они осторожно приминали лапами ветки, проверяя прочность и мягкость, пытались встать на задние лапы, дабы заглянуть за края бортов. Красный малыш норовил даже погрызть листья ивы. Вскоре все трое устали, легли почти друг на друга и уснули. Земляной дракон подумал: не хотят ли они есть и стоит ли им давать мясо?

Скорее всего, да, потому что больше идей в голову совершенно не приходило. Какое-то время он смотрел на них с искренней любовью и тихой тоской, ведь возлюбленная Азайлас вряд ли сможет их увидеть, если его сон был правдой. Но радость за своих детей, за то, что они теперь здесь, приглушала пока что почти всю боль. Самец как мог обвился вокруг гнезда и наконец, впервые за весьма долгое время уснул спокойным, пускай и чутким сном.

Уже через две недели своего отцовства Трефалкир понял, что у его детей будут некие трудности при общении с себе подобными. Как он и опасался, дело было в смешанной крови, она сотворила что-то чудное. Старший сын, имевший по большей части фиолетовый окрас, был крупным и сильным, но, к удивлению чернокнижника, проявлял расположенность к молниям и электричеству. Телосложением он больше пошёл в мать, такая же широко открывающаяся пасть, мощная грудь, массивный хвост. Возможно потом у него покажутся ещё и костяные выступы по бокам мордочки. А вот глаза были жёлто-оранжевыми, и передние клыки обещали вырасти длинными. Здесь к странностям можно было отнести лишь зелёный язык, признак присущий скорее ядовитым вивернам, а не драконам.

У младшего сына странностей наблюдалось чуть больше. Тот же зелёный язык и, самое приметное, морда: сверху слишком короткая, возможно недоразвитая, поэтому нижняя челюсть и подбородок очень выступали. Пока весь яркого алого окраса, с чёрными, крошечными костяными наростами на лбу и затылке. Строением он был как отец, более гибкий и менее громоздкий. От него же унаследовал форму зубов, а глаза были тёмно-зелёными. Он пока проявлял явные, неоспоримые признаки огненной стихии. А вот со средним сыном была почти беда, настолько природа не обделила его необычностью. Окрас малыша не являлся вариацией одного цвета, как это бывало обычно в таком возрасте. Драконыш имел пятна зелёно-жёлтого и зелёно-голубого цветов. Чуть, самую малость, длинноватая нижняя челюсть, на которой уже расположились два массивных клыка, но самая диковинная странность расположилась на верхней. Сморщенная складками кожа, чудной вид даже для Трефалкира. Правда, всё объяснялось тем, что драконыш выделял кислоту, говорящую о его породе куда лучше окраса. Зато язык нормального цвета и отцовские оранжевые глаза. Может, лишь чуть светлее.

Трефалкир не мог сказать, были ли эти странности результатом неправильного ухода или так повлияло его волшебство, или же таков каприз судьбы. Его это никак не волновало. Любил их просто за то, что они появились на свет и поэтому были уже прекрасны. Он с радостью наблюдал, как они незаметно подрастают, учатся управлять телами, рычать. Кормёжка не стала проблемой, вопреки опасениям, детёныши охотно ели сырое мясо, которое приносил им отец. Дракон пока не выпускал их надолго из гнезда, так как их чешуя должна была прежде окрепнуть. А ещё приближалась их первая полная луна — особое время для недавно родившихся драконов.

Пусть среди родичей бесспорно больше почиталось солнце, но по каким-то давно забытым всеми причинам имена давались именно под светом первой полной луны. У каждого дракона могло быть два имени, но первое самое особое, значащее нечто большее. Трефалкир ответственно подошёл к выбору имён. Он наблюдал за сыновьями, пытаясь определить ту или иную черту характера или особенностей. Имена достаточно быстро пришли ему в голову, как видение или озарение, чему дракон был безмерно рад. Такое считалось благосклонным отношением предков. И вот под светом полнолуния, в тихую, как первый снег, ночь Трефалкир нарёк своих сыновей. Старший Сардолас, коготь грома. Средний Фангрэнэ, разъедающее дыхание. Младший Бэйлфар, кипящий огонь.

3. Незванный гость

Единственное, что Азайлас слышала уже несколько недель, казавшимися долгими годами, было завыванием ветра. Даже похрустывание снега не могло заглушить этот протяжный и ноющий вой, словно стонали сами горы. Возможно, подлинная причина заключалась в расположении всех перевалов, провалов, уступов, но ей всегда думалось, что эти хребты живые — настолько неуютно ей делалось, когда она ещё жила здесь. А сейчас в этом нескончаемым подвывании стихии ей даже стали мерещиться слова и голоса. Стоило попытаться их разобрать, как они ускользали, уносились куда-то дальше. Драконица не могла определиться: слышит она их слухом или же звучат они в голове. Наверное, дело было в безумии, которое охватило её. Оно не давало на чём-то сосредоточиться, не давало остановиться, не давало улететь отсюда. Да и куда она улетит со сломанным крылом?

В прошлой стычке с ледяным сородичем глыбы льда перебили плечевуюкость и фаланги. Азайлас не могла вспомнить, когда это было: несколько дней назад или год назад. Но в тот самый момент сквозь пелену ярости и помутнения рассудка она ощутила присутствие своего любимого. Это было такое чёткое и яркое ощущение, что оно заглушило все вокруг, прояснило сознание. Благодаря этому ей и удалось уйти от превосходящего противника живой. Как Трефалкир там без неё? Как их дети? Опять же, сине-белая самка потерялась во времени и не могла сказать, как давно она смотрела в эти наполненные грустью оранжевые глаза. Он пытался её отговорить от путешествия на север, приводил доводы, убеждал, что это не её желание, а зов гор. Какое-то время дракону удавалось удерживать подругу, но в один момент мороз, появляющийся в крови, буквально заставлял её шагать на север, к неизбежной участи всех ледяных.

Когда она встретила Трефалкира? Пожалуй, ещё до той войны, когда спустилась с пиков. Азайлас очень хотела увидеть мир, увидеть хоть что-то кроме белого и серого снега, голубого и холодного льда, бескрайнего, но равнодушного неба. Она слышала о зелёных лесах, о тёплом океане, о высоких водопадах и о рокоте молний. И, конечно же, о Скрытой Долине. Да, там она и встретила свою любовь, пускай даже тогда они не совсем ладили. Что произошло дальше? Но ветер начал развеивать воспоминания подобно сухим, ломким снежинкам. Они улетели прочь в белое марево, окружавшее её. Драконица потрясла головой, изо всех сил пытаясь вспомнить, как всё было, но получилось вспомнить лишь обрывок из войны, грянувшей спустя три года после её спуска с гор.

Ей тогда только-только исполнилось пятнадцать, можно сказать, ещё не до конца окрепший подросток. Для прямых столкновений с магами она была не готова, поэтому Нивервир, тогда только ставший королём, предложил ей, как и другим молодым родичам, отыскивать драконов и передавать им его приказ вернуться в долину. Потом Азайлас помогала добраться осиротевшим драконятам до безопасного места. Люди охотились на них и похищали для каких-то злых деяний, поэтому ледяная драконица облетала большую территорию, пока ещё не целиком затронутого войной района, и собирала всех, кого могла. Взрослых драконов там не встретилось вовсе, и в тот день она нашла в лесу сбившихся в кучку беззащитных, перепуганных малышей. Они не могли сами найти укромного убежища, и для большей надёжности драконица сопровождала их всю дорогу. Но не стоило забывать, что если она нашла малышей без

родителей, то рядом бродили, рыскали люди. А те не заставили себя долго ждать и вскоре напали на них.

Охотники, замаскированные волшебством своих соратников магов, появились неожиданно. Одного она успела заморозить своим дыханием, но остальные набросили на драконышей заколдованную сеть, которая жгла и разъедала тем чешуйки. Малыши визжали и плакали от боли. Юная Азайлас налетела на охотников, отшвырнула в сторону ударом тяжёлого хвоста и попыталась освободить детей. Но тут её плечо пронзила острая, колющая боль. Гарпунный болт просто раздробил её панцирь, застряв внутри, а потом в неё стали лететь небольшие огненные вихри. Ледяным дыханием она смогла их остановить, но и так было понятно, что долго ей не продержаться под таким напором. Не хватало ни силы, ни опыта, ни последовательного представления, что ей надо сделать. Страх и затравленная ярость, от осознания неизбежного проигрыша не только для неё, но и для маленьких чад, едва не ослепили её.

Тут небо пронзил чёрный провал, из которого с рёвом вылетел разъярённый Трефалкир. Люди в недоумении подняли головы вверх, да что там люди, сама Азайлас была потрясена такой внезапностью. Воздух наполнила удушающая атмосфера гнева, и драконица поняла, что сейчас произойдёт что-то очень нехорошее. Зелёный дракон не стал пикировать, чтобы растерзать в клочья жалких созданий, наоборот он кружил, постепенно снижаясь и держа лапы у морды, читая заклинание. В него уже полетели гарпуны, когда он выдохнул без пламени, и начало происходить нечто странное. Люди, земля на которой они стояли, крепкие деревья и густая трава, растущие из этой земли, стали иссыхать и истлевать. Люди падали на землю и кричали от боли, их кожа серела, а потом чернела, глаза каменели, а потом рассыпались песком. От места поднялось зеленоватое свечение, поднявшиеся к уже спустившемуся Трефалкиру. «Он выпил их жизни», ужаснулась Азайлас, да и драконята притихли.

Дракон опустил на землю и потряс шеей, из глаз уходило зелёное мерцание. Драконица уже освободила малышей от мерзких пут, и те сгрудились возле неё, не зная, чего ожидать от такого незнакомца. А он подошёл к ней и, не спрашивая разрешения, прижался своей мордой к её и прошептал: «Я так боялся, что не успею». В этот момент Азайлас поняла, что чувствует к нему те же чувства, только всё время до этих секунд не хотела себе в этом признаваться. Она робко потёрлась своим носом о его шею, потом дракон зубами вытащил из её плеча гарпун и сжёг его. Он довёл их до безопасных пределов, где людей ещё не встречалось. Сказал ей:

— Я бы проводил вас дальше, но я нужен остальным. Мы должны успеть сжечь один из городов.

Азайлас тогда посмотрела на него любящим, понимающим взглядом, в котором была лёгкая тревога за него. Трефалкир взмыл в небо и исчез в созданном портале. Что было потом?

Воспоминания затянул тонкий, но крепчающий слой льда, тот же холод начал сковывать тело. Азайлас открыла светло-зелёные глаза и поняла, что лежит под каким-то уступом, попыталась двинуться и не смогла. И чей-то скучающий голос чётко прозвучал в её сознании: «Горы не выпустят тебя, дочь, пока не получат свою кровь. Ты можешь переждать это безумие, эту расплату. Ты знаешь как. Только так ты сможешь вернуться к своей семье». Да, этот странный, непонятный голос был прав, если она впадёт в спячку, то тогда, если случится чудо, у неё есть крошечный шанс выжить, пускай и призрачный. Азайлас свернулась крепче, бросив последний

взгляд в белую, непроглядную пелену неба. В какой-то отравляющей душу надежде, смотрела, ожидая узреть там чёрный провал и вылетающего из него Трефалкира. Но вокруг оставались лишь безразличные снега. Белая круговерть с серыми тонами, холод и высокий, нескончаемый глас ветра.

Намного южнее Трефалкир почему-то поднял голову к голубому небу, словно, что-то, желая, разглядеть. Не увидев ничего необычного или хотя бы интересного, снова лёг на серый, неровный камень, откуда он наблюдал за малышами. Дети уверенно осваивались в природе леса, правда, доставляя своему отцу много хлопот. Например, дракон быстро понял, что если в таком возрасте будет брать их с собой на охоту, то большее, кого он может поймать, это червяка. На свой страх и риск ему пришлось оставлять их в пещере, находившейся на поляне, строго наказывая не покидать её. В такие моменты Сардолас, очаровательный в своей детской ответственности, выступал вперёд и говорил:

— Не волнуйся, папа, я пригляжу за ними.

Трефалкир улыбался, тёр носом каждого из сыновей и уходил на обход границы с последующей охотой. Драконятам будет требоваться много мяса, потому что скоро им будет второй год, и они начнут расти быстрее.

В идеале, в возрасте шести лет дракон уже может выжить без опеки родителей. И их отец надеялся, что до наступления сего момента его угодий хватит, чтобы прокормить всех четверых. Сыновья длиной тела уже были практически с его предплечье, включая кисть. Старший, судя по всему, не собирался сдавать позиции самого большого, по длине он доставал едва ли не до локтя, что заметно превышало норму. У всех троих были ещё по-детски короткие и пухлые хвостики, наросты и рога только обозначились, а кости крыльев едва начали проступать и очерчиваться под кожей вдоль хребтов. И, честно говоря, Трефалкир чуть тревожился, когда дети пытались лазать по деревьям, так как иногда залезали они достаточно высоко, чтобы при падении повредить кости. Дракон не снимал их с веток, всегда говоря им, что они должны учиться сами справляться со своими неприятностями.

Самец же всегда был готов поймать их или снять в любой момент, но считал, что они должны быть самостоятельными. И сыновья учились этому как могли, потому что не знали ничего другого. Иногда они просили своего отца рассказывать разные истории. Всё же, им бывало скучно, когда их не отпускали исследовать чащу высоких деревьев, да и бессознательно они чувствовали тоску по матери, которую ни разу не видели. Тогда Трефалкир садился на пол пещеры и рассказывал легенды, какие помнил, иногда сопровождая рассказ картинками, волшебными сотканными из света. Дети, сидевшие перед ним, слушали, приоткрывая свои пасти от изумления, про древних птиц фениксов, про одного могучего морского дракона, который в одиночку отчистил моря от древних, опасных тварей, про древних королей, что летали сквозь звёзды, про одного огненного дракона, который бросил вызов вулкану.

Рассказывать было о чём, и Трефалкир старался поведать им не только историю, но и сведения о мире. Единственное, о чём он старался не говорить, так это о северных горах. Пару раз в неделю детеныши просили отца пойти поплавать, и Трефалкир отводил их реке. Та ему была

по брюхо, но для детей самое то. Дракон ложился на дно полукругом, образуя таким образом запруду, и Сардолас на пару с Фангрэнэ с разбегу плюхались в воду, заставляя гладь колебаться и блестеть на свету. Красный драконыш всегда нерешительно стоял на берегу, переминаясь крохотными лапками. Отец с пониманием смотрел на младшего сына, огонь в нём более чем естественным образом противился воде. Но Сардолас весело выкрикивал, выныривая:

— Давай Бэйлфар, трусишка, ведь мы же рядом!

И драконыш сначала медленно заходил в воду, а потом спустя минут десять уже весело играл, нырял, исследовал с Фангрэнэ речное дно.

Средний сын не был разговорчив, но он был очень наблюдательным. Ему нравилось зарываться в песок и из засады выпрыгивать на братьев, которые смеясь плескались. Все трое внимательно слушали, когда отец пояснял им, как закручивается вода, как потоки работают, как двигаются. Так он объяснял им основу магии на примере этой стихии. Как-то Бэйлфар сказал застенчиво:

— Я хочу, чтобы ты тоже мог повеселиться и поплавать с нами, это река слишком тесная для тебя.

И тогда Трефалкир, смеясь пообещал, что когда-нибудь сводит их к реке настолько большой и глубокой, что её противоположного берега не видно даже с середины русла. Иногда они залезали отцу на голову и спрыгивали в воду, а порой взрослый самец точным ударом тёмно-зелёного хвоста оглушал рыбу и закидывал её в запруду к детям. И те пытались на неё охотиться, правда без особого успеха. Рыбёшка либо всегда уплывала от них, либо выматывала настолько, что те были не в состоянии продолжать эту охоту. Потом драконыши выходили из воды и высыхали на милостивых лучах солнца. Вчетвером они шли домой, мерное течение такой жизни успокаивало.

Причина, по которой Азайлас и Трефалкир решили поселиться в этом тихом месте, была, пожалуй, не только в том, что рядом с Долиной им места не нашлось. Густой и древний лес дарил покой и уединение: редко встречались сородичи, и почти не было людей, лишь очень редкие путники, которые с почтением относились к окружающей природе. Земляной дракон не любил людей, но не считал, что их можно убивать просто так и без повода, как делало в последнее время большинство родичей. Здесь можно было создать жизнь, а не забирать её. К тому же, была приятна и гуща листвы, которая тенями окутывала землю, да и детям здесь нравилось: ничто не мешало их спокойному и правильному развитию. Трефалкир продолжал лежать на камне, нагретым солнцем, и одним глазом следить за игрой чад. Они снова пытались залезть по веткам как можно выше. Всё шло своим чередом, как вдруг дракон ощутил чьё-то стремительное приближение. Он встал, принюхался, вода мордой по ветру. Что-то или кто-то быстро приближался к ним. Он строго обратился к детям:

— Бегом в пещеру и не высовывайтесь.

Дети, впервые увидевшие своего отца таким серьёзным и напряжённым, послушно спустились и побежали в пещеру, периодически тревожно оглядываясь на оскаленного отца.

Дракон накрыл пещеру магическим щитом и встал на её защиту. Он изо всех сил пытался распознать чужака, вторгшегося в его земли. Лететь на опережение было бессмысленно: неизвестный уже был фактически над ними. Внезапные, почти штормовые потоки ветра пригнули вековые деревья, Трефалкир чувствовал, как мощным потоком воздуха его чуть сносит в сторону. Это напоминало стихийное бедствие, внезапный смерч. Тут оглушающий клёкот пронзил

тишину неба и, казалось, пригнул трещащие деревья ещё ближе к земле. Облегчение прокатилось по телу зелёного дракона: этот клёкот был приветствием его друга. Такие потоки воздуха и такой крик мог издавать только король Нивервир, последний из рода королевских драконов. Ветер оставался таким сильным, что Трефалкир не решился снять щит, пока его друг не приземлится. А тем временем король медленно, с достоинством снижался, сильно размахивая четырьмя крыльями.

Если и было хоть какое-то подтверждение тому, что все драконы являлись результатом удивительного союза фениксов и древних ящеров, то сейчас оно спускалось на землю. Нивервир отличался от всех драконов, как и все в его роде. Мощное и оперённое тело, две пары таких же крыльев. Задние лапы, больше походившие своим видом и изогнутыми когтями на лапы птицы, и передние были покрыты грубой жёлтой кожей от сгибов локтей и колен. На морде красовались и панцирные пластины, и покрытые перьями два небольших рога. Крепкий, пробивающий всё, жёлто-оранжевый клюв, а не пасть с зубами. Тонкий хвост, такой же кожаный и жёлтый как лапы и живот, лишь на конце имелась гребнистая пластина, с помощью которой дракон мог лучше управлять потоками воздуха. Перья, коричневые и белые, ложились густым слоем. Слова теряются, если пробовать детальней описать весь облик нынешнего Короля.

Несведущие люди назвали бы его драконовидным грифоном, в целом некое, пускай внешнее, сходство имелось. На своих четырёх крыльях Нивервир летал и быстрее, и выше любого своего подданного. В бою он был манёвренным до неуловимости, а любая не очень сильная магия просто отскакивала от него из-за силы крови. Этот некрупный самец, несмотря на свои двадцать пять лет, продолжал, правда, медленно, набирать мощь. Зрелости он, как и положено, достиг очень рано. Величественный и не терпящий возражений, Нивервир смог возглавить драконов в той войне и привести их к победе. Трефалкир дружил с ним, уважал его, а Король благосклонно и тоже дружески относился к нему. Он был одним из тех, кто поддерживал союз Трефалкира и Азайлас. Поэтому когда оперённый дракон опустился, как птица, на задние лапы, земляной родич поклонился, склоняясь перед законным королём. Нивервир сверлил его взглядом синих глаз без зрачков.

— Нет нужды соблюдать формальности, старый друг.

— Рад тебя видеть, Нивервир, — Трефалкир поднялся и с теплотой посмотрел на гостя.

4. Небольшая беседа

Деревья выпрямились, хотя шумный ветер ещё гулял в их ветках, трепля зелёную листву. Нивервир опустил на четыре лапы, хотя мог спокойно стоять, удерживая баланс, и на задних. В такой позе он напоминал силуэтом громадную диковинную и неправильную птицу. Земляной дракон движением хвоста снял щит с пещеры, с улыбкой обратился к другу:

— Мне нет такой необходимости, но моим детям следует подавать хороший пример.

Нивервир наклонил голову влево и как-то боком посмотрел за спину дракону. Из пещеры выглядывали обеспокоенные и потрясённые драконыши. Они не знали бежать ли им помогать отцу или строго соблюдать его наказ не высовываться. Пернатый самец фыркнул:

— Не думал, что у вас получится.

Трефалкир не обиделся на него за такие слова, ведь сказаны они не из-за злых сомнений, а из-за опасения за счастье на не самом лёгком жизненном пути. Король выпрямился и задал немного резкий вопрос:

— Колдовал на них?

Скорее всего, его интересовала возможная взаимосвязь между ворожбой и их внешним видом.

Конечно, особенности бросались в глаза. А может, от них исходил запах чёрной магии, хотя это не было чем-то удивительным и предосудительным - они же жили с чернокнижником и частично пахли им.

— Иногда было не обойтись, я старался свести к наименьшему, — покачал головой зелёный дракон, отводя полуприкрытые глаза в сторону лесной чащи. — Я один и не мог рисковать их жизнями. Делал всё, что мог и как разумел.

— Неплохо, на них почти не заметно.

Гордо вышагивая, с высоко поднятой головой Нивервир без спроса подошёл к трём, сгрудившимся драконышам. Однако Трефалкир прекрасно знал, что тот ни коим образом не навредит его чадам, поэтому спокойно сидел и наблюдал за знакомством. Если их внешность и смущала прибывшего, то это было никак не заметно. Царственно окинув их взглядом, он изрёк.

— Я ваш король, малышня, имя мне Нивервир.

Детёныши слегка испуганно взглянули на отца, тот кивнул, и дети слегка неуклюже повторили его поклон.

Это был первый взрослый дракон, после отца, которого им довелось лицезреть, и первый увиденный вживую король. Такой же, как и в легендах, что им так нравилось слушать. Новый самец виделся им высоким и большим, хотя большинство родичей на самом деле превосходили его в габаритах. Даже Трефалкир был несколько больше.

— Назовите свои имена, — продолжил Король после небольшой, значимой паузы, во время коей дал крохам серьёзно осмыслить всё.

— Я, — фиолетовый драконыш храбро шагнул вперед. — Сардолас.

— Я Фангрэнэ, — уверенно представился зелено-голубой малыш.

— Я Бэйлфар, — робко произнёс младший сын.

Судя по всему, детям нравилось, что к ним относятся так ответственно и даже по-взрослому, уже как к маленьким подданным, а не просто несмышлёнышам. Однако никто из них не знал, как себя вести в такой ситуации. В то же время они не хотели, чтобы что-то пошло не так или чтобы мнение о них как-то испортилось. Нивервир нараспев произнес:

— Трое сыновей — много отцу гордости. Три дочери — много матери радости. Вашей матери я здесь не вижу, хотя видят боги, очень надеялся, что увижу.

Последнее предложение заставило земляного дракона встрепенуться. Он оторвался от созерцания своих отпрысков, выстроившихся в ряд, смотрящих снизу вверх на фигуру, чьи очертания несколько терялись из-за перьев.

Неужели этот визит связан именно с тем, что творилось на снежных пиках? Сердце сжало дурное предчувствие.

— Ты прилетел, потому что есть какие-то новости? — Трефалкир подался вперед.

— Если Азайлас здесь нет, то толку от этих вестей немного.

Нивервир боком глянул на недоумевающих малышей, настороженно следивших за разговором двух взрослых. Догадался, что раз те не понимают, о чём речь, стало быть не знают об этом несчастье. Скорее всего, совершенно ничего. Стало быть, дальнейшее не предназначено их любопытству. А раз уж отец не был в состоянии их отослать на время, король принял решение за него.

— А ну, марш в пещеру! — он привстал на задних лапах, чтобы казаться выше.

Замахал крыльями, стараясь создавать больше пугающего шума, нежели ветра. Это сработало: все трое детёнышей моментально развернулись и дали дёру, скрываясь в темноте пещеры. Земляные своды, обложенные изнутри гладкими камнями, казались Нивервиру не самым удобным и подходящим для жизни местом. Ему по душе больше приходились просторы, скалы и высокие деревья. Однако у каждой породы были свои характерные особенности.

Пернатый дракон проводил убегающих драконышей горящим синевой взором, повернулся к Трефалкиру. Тот с горечью, выжидающе смотрел на него оранжевыми глазами. По сути, тот уже сказал всё, что нужно. Тишина природы, прерываемая лишь далёким перекрикиванием птиц, только усиливала гнетущее, зарождающееся опустошение. Какое-то время каждый думал о чём-то своём, тянулось мучительное молчание, прерванное королём. Его голос прозвучал негромко, но жёстко.

— Ты, а не я, должен им рассказать. Нет смысла их беречь от правды.

— Я знаю, всё собирался, но сам не хочу верить в то, что она не вернётся.

Нивервир отошёл от входа пещеры и сел спиной к лесу, глядя немигающим взглядом на подавленного земляного дракона.

Эту правду стоило принять быстрее. Самообман и ложные ожидания могли погубить и его друга, и его сыновей. Таким образом королю, обладающему самыми свежими сведениями, выпадала очередная ноша. Но это то, что следовало сделать.

— Я бы не думал об этом, Трефалкир. Буйство ледяных закончилось неделю назад, некоторые спустились с гор, кто-то остался там. Они снова могут соображать и хотя бы разумно говорить. Если Азайлас ещё не с тобой, то она осталась там навсегда.

— Я не знаю, — Трефалкир помолчал что-то прикидывая, затем упрямо помотал головой. — Я бы почувствовал. Она могла впасть в спячку, — надежды в этих словах было больше, чем здравого смысла.

— Ха! Едва ли это лучше. Если это так, она рискует не проснуться, — король клювом взъерошил белые перья на широкой груди.

В этом он был бесспорно прав, это очень опасная мера. Ледяные драконы умели впадать в спячку: все их жизненно важные процессы замедлялись, позволяя прожить более долгое время,

а броня укреплялась, леденела. Но холод и лёд могли начать прорастать внутрь тел, заменяя собой всё: мышцы, кости, кожу, кровь.

В итоге оставались лишь причудливые ледяные глыбы, никому не нужные, мёртвые и холодные. Не было определённого срока нахождения в таком состоянии, для каждого дракона он был свой. Кто-то мог десятилетиями спать и видеть сны, а кто превращался в лёд уже спустя два года сна.

— Если это так, то я должен разыскать её. Или хотя бы то, — Трефалкир запнулся, — что осталось.

— Даже не думай! — Нивервир резко оборвал эти отчаянные намерения. — Детей с собой ты взять никак не можешь, а никто кроме тебя с ними не будет возиться, учитывая все их особенности.

Конечно, он бы и сам никому не доверил своих отпрысков, да и знакомых у него было не столь много. Никто и до войны-то не водился с чернокнижником кроме Нивервира, бывшего тогда лишь принцем. Зелёный дракон хотел было что-то сказать, но король перебил его.

— Я не сижу на одном месте, поэтому не смогу побыть с твоими детьми, — словно он прочёл его мысли, хотя и был лишён сильного магического дара, — забот хватает — наши земли обширны, а восстановление после войны идёт не столь быстро. К слову, знаешь, сколько за два года вылупилось детей?

Немигающий, пронзительный взгляд синих глаз сверлил понурившегося Трефалкира.

Он и в самом деле надеялся, что друг сумеет какое-то время побыть с его сыновьями, а он в это время отправится на север. Но Нивервир был сейчас прав и более разумен: такой возможности пока не было. А всё сказанное и так звучало не особо приятно. Не дождавшись ответа, Нивервир щёлкнул большим клювом.

— Включая твоих чад, всего родилось одиннадцать. И то, четверо у лавовых драконов, они сейчас самый процветающий род.

— Так мало? — зелёный дракон с удивлением уставился на венценосного гостя.

Он знал, что очень многие погибли, но после войны все надеялись на быстрое пополнение популяции. Да, высидеть яйца и воспитать дракона это далеко не лёгкое дело, но одиннадцать малышей... Это было ничтожно малое число. Оно сокрушало и повергало в отчаяние. Это нехорошо, и это правда. Ужасная и неуступчивая.

Нивервир скосил глаза к пещере, откуда слегка, будто тайно, высовывались драконыши, с интересом и неким восторгом наблюдавшие за двумя взрослыми. Впрочем, как только они поняли, что замечены, то ретировались обратно. Только тогда пернатый дракон продолжил.

— Да, так мало, и я пока не понимаю, почему так. Многие уже шепчутся о вырождении драконов, мол наше время уходит. Ничто не проходит даром и бесследно. Война нанесла непоправимый урон.

— Может, просто нужно больше времени? Да и найти спутника жизни дело непростое.

Трефалкир, как только разговор отошёл от его беды, рассуждал здраво. Да, всем хотелось поскорее вернуть течение жизни в прежнее русло, но это никогда не бывает просто или легко. Король кивнул с сомнением на морде.

— Я склонен думать так же, некоторые драконы тоже, да только беспокойств в Долине это не устраняет. Я не хочу действовать жёстко, чтобы пресекать все недовольства и начавшуюся

панику, но боюсь, что скоро у меня не останется выбора. Мой отец вёл себя слишком мягко, и сейчас мне приходится иметь дело с последствиями этой мягкотелости. Даже в этом.

Предыдущий король Вискрир, режущий потоки ветра, считался ответственным за большие потери в той войне, да и, собственно, за её начало.

Бывший частично самодуром, частично недальновидным правителем, он допустил человеческих магов в Скрытую Долину. Он не потрудился узнать их подлинные мотивы, когда ещё мог выпроводить их. Но Вискрир не стал этого делать, и люди смогли отыскать то, зачем пришли: несколько окаменелых яиц и древние записи на старых развалинах, открывшие магам некоторые тайны преобразования жизни и стихии внутри живых существ. Если подумать, то всё то кровопролитие можно было предотвратить ещё тогда, но этого не случилось. Знание людей выросло в больших масштабах, увеличивая их амбиции. Сначала никто не верил, что маги стали охотиться на драконов, отлавливать их детёнышей. А тогдашний король считал такое бредом, потому что: «Жалкий скот на такое не способен». Ирония судьбы, Вискрир пал жертвой тех, кого считал ни на что не годным скотом. А его сыну и по сей день приходилось нести на себе груз ответственности за все те поступки отца. Многие ставили Нивервиру в укор глупые решения, а иногда и бездействие отца, словно он мог тогда на что-то повлиять.

Трефалкир задумчиво водил хвостом над травой, размышляя над услышанным. Только раскола сейчас не хватало между драконами. Учитывая предпосылки, недовольных больше чем тех, кто готов трезво оценить ситуацию. Нивервира вполне могут попытаться сместить, виня его во всех бедах нынешних и прошлых, возлагая на него вину отца, видя в нём лишь его тень.

— Если я тебе нужен в Долине, то скажи. Ведь я был тогда твоим помощником. Если не сможем успокоить волнения, то хотя бы будем держать всё под контролем.

— Вряд ли твою морду будут рады там видеть, ещё и с детьми, — король хищно улыбнулся, вернувшись от поддержки в хорошее настроение, — языки как у виверн, по этому поводу будут ходить шутки, а один вообще кислотный. По мне это весьма хороший знак, так как кислотных драконов не было уже лет двести или триста, но для остальных это будет что-то мерзкое и чуждое.

Нивервир был рад тому, что друг готов помочь. Их дружбу было не разрушить годами молчания, поэтому на душе сделалось веселей, несмотря на всю тяжесть никуда не девшейся ответственности.

Король продолжил подначивать друга:

— Да и фантазии у тебя нет. Коготь грома? Кипящий огонь? Разьедающее дыхание? — пернатый дракон добродушно хохотнул.

— Это у твоих родителей нет воображения, рыжий клюв. Имя, подходящее королевскому отпрыску, — вслед рассмеялся и Трефалкир, несколько не обижаясь на друга.

— Шутница была моя матушка, ничего не могу сказать, — Нивервир отмахнулся одним крылом, продолжая посмеиваться. — Ладно, пора мне лететь дальше на юг. Если будет что-то новое про Азайлас, я дам знать.

Он начал разминать крылья, раскрывать их, пока Трефалкир с благодарностью склонял голову. Ему самому стало немного легче от встречи с другом. Тут из пещеры выбежал Бэйлфар, немного растерянный и крайне взволнованный. Взрослые драконы посмотрели на малыша, который неуклюже повторил поклон, совершенно неуверенный в его уместности, и обратился к Нивервиру.

— Король Нивервир, отец рассказывал о могучих драконах вашего рода, и мне бы хотелось, — он слегка потупился и нерешительно переступал с пухлой лапки на лапку, — попросить у вас одно перо на память.

Трефалкир с улыбкой, её сдержать не представлялось возможным, наблюдал за своим сыном, таким любознательным и трогательным в этот момент.

Король же выглядел чуть сбитым с толку, но клювом вытащил с одного плеча длинное коричнево-белое перо и с достоинством и всей важностью вручил его малышу. А тот замер в восторге, когда дотронулся до подарка. Нивервир чуть улыбнулся, изрекая:

— Говорят, что перья королевских драконов дарят сильные крылья. Надеюсь, что ты будешь быстро и высоко летать.

Смущённый Бэйлфар поклонился и убежал показывать перо братьям, которым тоже не терпелось рассмотреть его, потрогать и понюхать.

— Следи за ними, они ещё очень маленькие, — сказал напоследок Нивервир и взлетел.

На этот раз он постарался крыльями создавать не такие сильные потоки ветра, как при приземлении, но деревья все равно загудели и, казалось, раздвинулись, выпуская дракона в открытое голубое небо с белыми облаками. Трефалкир проводил друга взглядом, наблюдая как тот набирает высоту, а потом стремительно летит на юг, чтобы покинуть древний лес. Восторженные дети, следившие из пещеры за взлётом короля, наконец-то вышли к отцу.

Зелёный дракон посмотрел на них с любовью и тоской. Да, они нуждались в его защите сейчас больше всех, больше кого-либо. Бэйлфар гордо держал в зубах длинное перо. Дети верно поняли, что отец им хочет что-то рассказать, что-то важное и не совсем простое. Трефалкир тяжело вздохнул и начал свой рассказ, в котором собрался обозначить только самые главные моменты. Что у них есть мать, но она потерялась, что она пока не может быть с ними. Его сыновья не знали, чего были лишены, что такое мама и её любовь, поэтому восприняли рассказ как просто новое сведение о мире. Наряду с такими же, как сведения о том, где лучше искать оленя, где какие стаи драконов водятся.

Вопросов пока было немного, чему Трефалкир радовался, ему было бы тяжело дать ответы на хитрые или наоборот слишком прямые вопросы.

— Ты говорил с королём о маме, хотел полететь искать её? — спросил первым Фангрэнэ.

— Да, но король запретил мне.

Средний сын всегда спрашивал сначала по существу, обычно не тратя времени на вторичные расспросы. Ответы на них он мог получить молча с помощью наблюдательности. Например, он понял, что пока они не вырастут, отец не сможет отправиться искать маму, и что отец очень тоскует и переживает. Но двое остальных братьев пока этого не замечали. Сардолас воодушевлённо спросил:

— А когда мы отправимся на её поиски?

— Когда вы научитесь летать, — с улыбкой произнёс Трефалкир.

— А когда мы научимся летать? Я хочу летать как король, — спросил потрясённый Бэйлфар, перо он так и вертел в лапках.

— Я не знаю, но думаю, что скоро.

И отец знал, каким будет следующий вопрос: когда скоро?

Весь день малыши были заняты тем, что пытались взлететь прыгнув с небольшого камня, периодически отвлекаясь на перо Нивервира. Фангрэнэ спросил у отца: не получится ли у них взлететь как делают это птенцы, прыгая с ветвей деревьев? Отец, сдерживающий смех, глядя на то, как его дети старались пошевелить крыльями в тех местах, где мышц просто ещё не было, пояснил, что драконовы крылья устроены иначе и раскроются сами со временем. Фангрэнэ важно кивнул, но попыток не оставил. Пока дети были увлечены своей вознёй, Трефалкир пробовал отследить Азайлас внутренним взором. Думал, мертва она или в самом деле впала в спячку, прикидывал, когда выдастся возможность отправиться на северные пики. Нивервиру сейчас не до сидения с детьми, больше знакомых у него не было, а в Долине вряд ли кто-то захочет побыть хотя бы четыре дня с ними.

Либо рискнуть и отправиться вместе с детьми к опасным горам, либо подождать, пока они станут более защищёнными и взрослыми, либо оставить их здесь в лесу, и, если что-то пойдёт не так, быстро телепортироваться обратно к ним. Но много раз так сделать не получится, сейчас не война — жизненную энергию черпать неоткуда в тех необходимых количествах. Самец посмотрел на весело играющих детей, если с ними что-то случится, то он не сможет себе простить этого. Никогда. Он несёт за них ответственность, и Азайлас не простила бы ему, если чада как-то пострадают. Да и новость о малом количестве драконышей косвенно возлагала на него больше обязательств, сейчас у него почти четверть молодняка. Да, наверное, ему придётся подождать, пока дети подрастут, учитывая, что он совсем не уверен в том, что Азайлас ещё жива. Дракон не имел права так рисковать.

Возможно, если он с детьми посетит Долину, то там он сможет хотя бы увидеть горы яснее и чётче. Долина была сильным магическим местом и имела незримые пути ко всем драконам. Из размышлений его вывел весёлый гомон. К нему подбежали сыновья с просьбой показать, как правильно надо шевелить крыльями. Трефалкир улыбнулся и весь остаток дня показывал детям, как раскрываются крылья и как они двигаются, а малыши важно и внимательно наблюдали за ним.

5. Тревожные вести

С визита Нивервира прошло не так уж много времени, примерно полгода, но драконыши ещё чуть прибавили в росте. И, увы, несмотря на все их старания, крылья не раскрывались. Они уже все почти доставали отцу до локтей, когда тот стоял на выпрямленных лапах. Хотя Трефалкир сказал бы, что они ростом с лань. Только Сардолас вырос до размеров благородного оленя, правда, пока его братья не ощущали эту разницу между ними. Для них он был старшим братом, а старший брат должен быть больше и лучше во всём. И зелёный дракон надеялся, что когда они вырастут, то отношения между ними останутся такими же крепкими, как и сейчас. Его сыновья не могли осознать всех своих странностей, потому что просто не видели своих сородичей. Королевские драконы, к роду которых принадлежал навещавший их Нивервир, сами по себе выделялись на фоне остальных, поэтому по ним нельзя было однозначно судить о нормальности. А их отец, как им тогда казалось, не особо отличался от них самих, разве что цветом.

Да, он излучал особую, удушливую ауру магии, но они родились в такой атмосфере и не испытывали ни отторжения, ни отвращения, ни неприязни. Трефалкир понимал, что его детям придётся столкнуться с непониманием и неприятием, поэтому старался воспитать их сильными духом и независимыми от чужого мнения. Он знал, какие чувства они будут испытывать, поэтому старался в таком возрасте заложить в их головы основы того, как справиться с подобным отношением. Помимо этого Трефалкир стал их брать с собой на охоту, показывая способы добыть себе пропитание. Пускай драконята шумели, иногда бездумно спугивая лесную живность, но они старались подражать отцу. Зелёный дракон, к сожалению, не мог их обучить всем изыскам лесной охоты, так как вырос на севере. Но и основ хватит, чтобы научить добывать себе пищу, да и кто сказал, что дети, когда вырастут, будут жить в похожем лесу. Богатом рощами, крепкими дубами, буками, ясенями. Они на пару с кустарниками не везде создавали непролазные чащи, сохраняя достаточно простора для таких крупных животных как драконы.

Однако не каждый лес был таким же, не стоило забывать о равнинах, болотах, скалистых ущельях. Везде существовали свои условия, как и дичь, и все они были разными. Поэтому Трефалкир объяснял правила охоты и на другой местности. То же касалось и правил этикета при общении с сородичами. Никогда не знаешь, когда встретишь другого дракона или когда попадёшь на территорию стаи, какой, например, жили лавовые драконы. В таких случаях нужно уметь вести себя так, чтобы не вызвать агрессию, не давать к ней поводов. Если можно избежать драки, то лучше воспользоваться этим шансом. Но если стычка неминуема, то нужно быть готовым постоять за себя и тех, кого хочешь защитить. Поэтому Трефалкир показывал детям приёмы борьбы, которые они с радостью приняли в виде игры пробовать друг на друге, а так же начал ненавязчиво объяснять им основу простейшего волшебства, без уклона в чёрную магию. К последней, как смог убедиться их отец, все трое оказались расположены. Он не был в восторге от этого, но решил, что до их взросления, когда сыновья смогут принимать взвешенные решения, не будет их обучать чародейству, а пока хватит и простых объяснений, не подводящих к действию.

Сегодня Трефалкир повёл детей на их первую охоту ближе к южным границам своей территории. По первоначальному плану надо было загнать дикого вепря. Где-то полгода самец не охотился на кабанов, поэтому пришло время оставить многочисленные олени стада в покое на три месяца. Да и было это хорошей практикой для сыновей, так как этот зверь легко не сдастся. Драконыши смогут увидеть, что такое настоящая борьба за жизнь. Отец не собирался вмешиваться, если только что-то пойдёт совсем не так. В конце концов, они должны иметь представление о том, что существование в таком мире дело нелёгкое, что частенько многое даётся далеко не просто. Объективно трое сыновей могут загнать и завалить вепря, Трефалкир им рассказал и показал как. Дети волновались перед обещанной охотой, но волнение было скорее радостным, потому что это первое, взрослое свершение.

Дракон вёл их за собой, опытным глазом находя следы животных. Он не посещал эту часть леса где-то недели две, чтобы животные расслабились, но сразу заметил существенное отличие от предыдущих дней. На его земли забрёл чужак. Чернокнижник втягивал воздух и на какое-то безумное мгновение решил, что это вернувшаяся с ледяных гор его Азайлас, но это была не она. Драконыши, тоже почувствовавшие новый для себя запах, задрали головы и начали принюхиваться, подражая отцу. Трефалкир определил, что это самка, но совсем молодая, может быть лет на пять или шесть старше его сыновей. «Определённо она не из ближайших лесов», подумал дракон, ощутив лёгкий, почти неуловимый запах соли. Однако ещё веяло сильным испугом, тревогой, и именно эти ноты практически заглушали прочие. О причинах такого оставалось только гадать. Ему стоит обнаружить прищелицу, до того как та натворит дел или того хуже: с перепугу нападёт на его детей, потом он сможет провести её до границы своей земли и там прогнать. Выследить направление, откуда доносился запах юной драконицы, не составляло труда. Трефалкир повернулся к заинтересованным и одновременно обеспокоенным детям.

— Охота отменяется, думаю, вернёмся к ней завтра. Мне нужно выпроводить эту самку с нашей части леса.

— А вдруг ей нужна помощь? — настороженно спросил Бэйлфар, наклонив на бок мордочку.

Они стояли в тени раскидистого дерева, вслушиваясь в шум леса: шелест листьев, птицы, отдалённые шорохи, создаваемые какими-то зверями.

Обычную обстановку нарушало лишь чужое присутствие, грозящее угрозой им самим. Впрочем, драконята пока только оценивали новую для себя ситуацию. Фангрэнэ закивал и высказал своё наблюдение.

— От неё пахнет страхом.

Старший сын ничего не сказал, он прикидывал, как поступит отец и что ему, как старшему брату, сейчас лучше сделать. Склонялся к тому, чтобы отвести младших в пещеру и там ждать возвращения отца. Трефалкир, конечно, предлагал, что гостьей может двигать паника, но пока не считал, что ей нужна помощь. Она могла быть напугана новой обстановкой, аурой тёмной магии, чем угодно. Но самое главное, что в своём страхе она могла совершить какую-нибудь глупость.

Дракон уже решил как поступит: отправит детей домой, а сам без особого труда выследит драконицу и так или иначе поможет ей найти дорогу из его леса. Он взглянул на фиолетового драконыша.

— Сардолас, ты знаешь, как поступить?

— Да, папа, я отведу нас домой, и мы будем ждать там твоего возвращения.

Фангрэнэ и Бэйлфар молча закивали. Отец с улыбкой посмотрел на них троих.

— Молодцы, тогда там и встретимся, — и он взлетел, на лету выискивая след.

Драконыши смотрели на удаляющегося отца, а затем осторожно, приюхиваясь и прислушиваясь, направились в безопасную пещеру. Но всё вокруг них было, как обычно: продолжали петь птицы, кое-где пробивался сквозь плотную листву луч солнца, в узловатых корнях деревьев мелькала живность. Сардолас уверенно вёл их через лес, периодически поднимая голову и пытаясь что-то разглядеть высоко на ветвях.

Трефалкир летел по запаху. Судя по тому, как он периодически петлял, драконица заблудилась, но не приближалась к пещере. Она двигалась вглубь его территории, неумело пробираясь сквозь заросли, оставляя за собой поломанные кусты и ветки, заметные земляному самцу, когда тот снижался, дабы лучше рассмотреть окрестности. Он нашёл её довольно быстро, не минуло и получаса, молодая самка выделялась нежно-голубым пятном в зелёной растительности и коричневой коре. Чуть поразмыслив, Трефалкир решил спикировать на неё, но чтобы прижать к земле, а не чтобы сшибить собой. Драконица, не ожидавшая такого бесшумного появления сверху, не успела развернуться или рвануться в сторону.

Если честно, самка и понять-то ничего не успела, когда лапа зелёного дракона крепко прижала её шею к земле. Спиной и крыльями она ощущала когти его задней лапы, придавливающей её туловище. Но самым пугающим для неё оказалась эта аура чёрной магии, которая запросто могла выпить всю её жизнь. Она знала о такой, слышала, а теперь унюхав с ужасом и ясностью поняла всю правдивость историй. Молодая драконица попыталась вырваться, даже не глядя ощущая, как взгляд незнакомого, опасного родича буквально проходит сквозь неё, перебирает её мысли, заставляет душу содрогаться в жалком трепете. Она вспомнила, что умеет говорить и что пока ещё не убита другим драконом, и выкрикнула:

— Не убивай меня, пожалуйста! Я не знала, что это твоя территория, я не специально пришла сюда!

Голос звучал жалко и напугано, Трефалкир фыркнул, но не ослабил хватку.

Он разглядывал случайно забредшую на его земли самку, прикидывая, способна ли она прежде всего представлять опасность для его сыновей. Сомнительно, она сама была ещё почти ребенком и говорила правду. Скорее всего, в своей панике действительно не заметила его меток. Медленно дракон убрал с неё заднюю лапу.

— Не дёргайся, встань и расскажи, что ты здесь делаешь. Так далеко от своего родного моря, — и он поднял переднюю лапу с шеи.

Самка осторожно встала, попятилась, ломая лапами и задом ещё больше кустов. В её красных глазах, которые вызвали мысли о кораллах на дне океана, плескалась боязнь, но она взяла свой страх под контроль. Драконица принадлежала к роду морских драконов. Относительно гладкая чешуя нежно-голубого цвета, но на морде и задних лапах преобладал тёмно-синий цвет морской глубины. Странного вида жёлто-песочные пушистые наросты у затылка и углов челюстей. Крылья, которые она расправила и закрыла поправляя, снаружи были голубыми, а изнутри светло-песочными.

Да, водные драконы по праву считались самыми цветастыми и пёстрыми среди всех сородичей. Их окрас имел столько же оттенков, сколько и вода под лучами солнца, в мире не найти двух одинаковых по окрасу морских драконов. Впрочем, их пёстрость была не единственной отличительной чертой. Конечно, имелаась странная любовь к воде, но самое удивительное то, что большинство этих драконов являлись неутомимыми путешественниками и искателями приключений. Они встречались в совершенно внезапных местах и в совершенно неожиданное время. Как вода текла из глубин континента к морю, так и они подобно рекам проникали вглубь земли в поисках неких истоков. Поэтому драконы других видов, имевшие в основном территориальную привязку, считали их чужаками. Это их необъяснимое пристрастие породило даже ряд легенд, связанных с родством морских и ледяных драконов. Якобы некоторые морские драконы в своих странствиях просто осели на северных горах, да там и остались, со временем превратившись в ледяных.

Поэтому Трефалкира не особо удивило присутствие в его лесу морской драконицы. Путешествия приводят куда угодно, а этот лес, если очень грубо обобщить, находился не столь далеко от моря. Его больше заинтересовал её возраст и то, чем она могла быть так напугана ещё до встречи с ним. Самка оторопело смотрела на него, не зная, что говорить. Дракон ещё раз оглядел её от макушки до кончика хвоста, сел и покачал головой, топорща кожаные мембраны на голове.

— Тебе стоит вернуться в море, ты слишком молода для дальних странствий.

На вид ей было не больше шести лет. Возможно, и крылья-то окрепли лишь полгода назад. Самец неодобрительно прищурился. По сути, перед ним стоит ребёнок, явно не готовый исследовать незнакомую местность.

Что её занесло сюда? Не случилось ли чего с её семейством? Ведь её страх был самым настоящим. И тут она, осознав как глупо себя вела, склонила голову и представилась.

— Меня зовут текущая песня течений, я не хотела доставлять тебе проблем, могучий земляной дракон.

— Роулсанэ, верно? — он вспомнил, что водные драконы, придерживаясь более причудливых, уважительных манер, сначала называют значение имени. — Меня зови Трефалкиром.

— Какое сложное имя. Да, ты правильно прочёл моё, — она старалась говорить уверенно, — в моём краю я уже могу считаться взрослой, поэтому я отправилась путешествовать.

Часть дурных опасений отпала сама собой. Всего лишь неуёмная тяга морского родича завела в эти края. Самец выдохнул, раздув ноздри. Куда только смотрели её опекуны, отпуская юное чадо? Ведь взрослые родичи могут напасть на подростка, это частое явление.

Не стоит забывать и о стаях виверн, гидр, атакующих столь незаметно, что не сразу понимаешь, что происходит. К юго-западу, совсем недалеко жарких пустынь и вовсе водились громадные питоны, способные удушить даже взрослого крылатого ящера. Не стоило забывать и о людях.

— Тебе не стоит быть беспечной, — дракон фыркнул и строго добавил: — эти земли не такие спокойные, как южные пределы.

— Я уже имела несчастье убедиться в этом, Трефалкир. Поэтому-то я хотела поскорее добраться до Скрытой Долины, — самка беспомощно и расстроено смотрела на него.

Не похоже, чтобы она хотя бы раз бывала там. Очевидно, надеялась найти дорогу благодаря какому-то зову путешественника. Глупо и безрассудно. Но её слова вернули мысли чернокнижника к более серьёзному вопросу.

— Что тебя напугало?

Роулсанэ отвела взгляд красных глаз и как-то съежилась, явно не желая говорить.

Трефалкиру очень не хотелось лезть к ней в голову и вырывать воспоминания силой при помощи магии. К счастью, молчание надолго не затянулось. Драконица помялась и всё же нерешительно начала.

— Я думаю, что мне мало кто поверит, ибо я не видела ничего подобного и не слышала, что такое бывает.

Трефалкир нахмурился, уж он-то знал, что самое невероятное иногда выползает на свет солнца, чтобы поразить всех живущих. А ещё он почувствовал укол тревоги. Насколько близко от этого леса она встретила то, что заставило её бежать? Не в опасности ли его сыновья, остальные драконы? Роулсанэ, не встретив нареканий и замечаний, собралась с духом и продолжила:

— Изначально, я хотела увидеть Западные Равнины. Всё шло неплохо: за всю дорогу мне не встречался кто-либо враждебный. Но, — она закрыла пасть, в горле заклокотало тихое рычание-скулёрж, — когда я уже почти добралась до пределов равнин, на меня напало нечто.

Дракон прикинул расстояние от леса до тех равнин, едва ли не неделя непрерывного полета. И что-то там было, что-то заставило её так удирать, что даже будучи в этом лесу она всё ещё излучала страх.

Он терпеливо ждал, пока драконица, борясь с эмоциями, подберёт слова для увиденного, сумеет внятно изложить ему.

— Оно выглядело как дракон с перьями, но не так, как наш король Нивервир. Оно было чёрно-красным и не говорило. Совсем не говорило, — она помотала головой, морду исказило потрясение и недоумение, — только кричало так, что у меня скрежетало в голове. Эта тварь просто напала на меня. Сначала, когда я увидела её в небе, я решила, что это дракон, который обитает там, но...

Трефалкир мрачнел прямо на глазах. Очень плохие вести. Он знал, что за тварь описывает Роулсанэ, и ничего хорошего это не сулило. На сердце навалилась тяжесть прошлого. Впрочем, это не лишило его способности размышлять. Самец уже соображал, что надо сделать. Сделать быстро.

Сморгнув, он собрано и внимательно дослушивал чужую, чуть захлёбывающуюся от переживаний речь.

— Но потом оно вспыхнуло всё целиком! И ринулось на меня! Кое-как я смогла уплыть благодаря реке, что текла там. Я всё ещё слышу этот клёкот у себя в голове, — самка зажмурилась и съежилась, осев на траву и обломки куста, — как и ощущаю этот жар. Это звучит очень безумно или фантазией глупого детёныша, но так всё и было!

— Я верю тебе, — как мог успокоил её чернокнижник кивая, — я видел такую на войне. Нужно пойти в Долину и рассказать Нивервиру, надо решить эту проблему, пока не случилось чего-то серьёзного.

Серьёзного. А не случилось ли оно уже? Эта тварь не должна была существовать. Не могла. Драконы сожгли всё несколько лет назад. Если люди каким-то образом взялись за старое, тот кошмар вернётся. Страха он не испытывал, лишь потребность действовать.

Роулсанэ, испытывшее невероятно облегчение от того, что ей поверили и не посчитали выдумщицей, вздохнула и вновь склонила сине-голубую голову в знак благодарности.

— Поэтому я и стремилась поскорее попасть в Долину, чтобы сообщить всем, — подытожила она рассказ.

— Ты ни разу там не была, не сумеешь найти дорогу самостоятельно, — отмёл дракон. — Я и мои дети отправимся с тобой.

Драконица насупилась, точь-в-точь как его сыновья, когда ему приходилось их отчитывать. Возможно, она считала, что раз она уже взрослая и вдобавок водный дракон, то дорога найдётся сама. После войны Долина была очень надёжно скрыта, с тем расчётом, чтобы никто посторонний просто не смог туда попасть.

Всё вышесказанное не оставляло иного выбора, кроме как всем вместе направиться туда. Он сможет лететь с детьми на спине, Роулсанэ, если отдохнёт сегодня, сможет лететь уже завтра.

— Пойдём, — Трефалкир встал с земли и неспешно пошёл в чащу, словно ожидая, что гостя последует за ним, — мы полетим завтра.

— Но я не хотела бы тревожить тебя, да ещё с драконами. Я уверена, что справлюсь сама, — она попыталась настоять и увильнуть от такой опеки.

— Дело не только в том, что тебе небезопасно путешествовать одной, или в том, что ты не отыщешь путь. Дело в том, что напало на тебя, — взгляд его оранжевых глаз почти что сверлил её. — Я же могу помочь решить эту проблему, пока она не выросла в масштабах.

— Как скажешь, Трефалкир, — Роулсанэ всё же смирилась с его авторитетом и со своей усталостью.

Встала и покорно пошла следом. Самец же, получив её согласие, ускорился. Взлетать он не стал. Это только забрало бы последние силы молодой драконицы, да и не удалось бы аккуратно преодолеть сплетение ветвей. Налетаться они успеют в ближайшие два дня.

Тем временем в пещере драконыши устроили что-то вроде крепости. Сардолас восседал на уступе, на котором обычно лежал его отец, высматривая любое подозрительное движение в окружающих их зарослях, готовый в любой момент подать сигнал своим братьям. А они патрулировали вход пещеры, иногда посматривая на фиолетового драконыша, иногда тоже всматриваясь в чащу леса. Появление чужака в привычном и безопасном месте они восприняли как угрозу своему дому, поэтому в отсутствие Трефалкира собирались защищать свою пещеру, как и подобает взрослым драконам.

6. Перелёт

Трефалкир уверенно вёл морскую драконицу по густому и чуждому ей лесу. Ему не надо было оглядываться, чтобы знать: она разглядывает его и иногда озирается на деревья. Да только вот на могучие стволы, покрытые изумрудным мхом, и высокие кроны она смотрела без волнений и опасений. Но дракон привык к такому предвзятому отношению. Впервые по-настоящему столкнулся с ним, когда, спустившись со снежных гор, попал в Скрытую Долину, место, которое считалось самым безопасным и священным для драконов.

Ему было четырнадцать, когда он покинул пики и отправился в более тёплые земли, больше подходившие его натуре. Он каким-то образом нашёл Долину самостоятельно и бродил по ней, восторгаясь красками природы и красотой пейзажей. Там всё столь не походило на ледяные горы, сама атмосфера была другой: доброй, прекрасной и, самое главное, живой. Правда, его первая встреча с сородичами едва не закончилась трагедией. Трефалкир почти подошёл к развалинам невероятно большого города, где он чувствовал большое скопление драконов. Самец волновался, потому что за всю жизнь помнил только несколько ледяных сородичей. Дойти куда-либо он не успел — навстречу ему вылетели трое взрослых драконов, их рычание, а так же положение тел оставляли сомнения в мирности их намерений.

Земляной дракон никак не мог понять, что их разозлило, ведь он не сделал ничего плохого. Вступать в поединок сразу с тремя взрослыми особями ему, тогда ещё подростку, смысла просто не было. Он ловко уходил от ударов, маневрировал в воздухе, пытаясь достучаться словами, что он не несёт в себе вреда. Но его не слушали, кричали, что от него разит смертью, чтобы он выметался отсюда. Его едва не растерзали старшие драконы, разъярённые аурой чёрного волшебства. Трефалкир почти вплотную подошёл к тому, чтобы использовать магию, которая так вывела их из себя, но его остановило прибытие короля Вискрира.

Громкий и высокий клёкот раздался с неба, пронзив головы четырех драконов болью, заставляя мигом покорно пригнуться к земле. Когда король начал спускаться, невероятно сильные потоки воздуха просто раскидали в стороны всех внизу. Он проскрежетал зло и возмущённо.

— Что вы устроили здесь?!

Взрослые драконы насупились, а один выступил и рассказал о том, что они ощутили присутствие чёрной магии, указывая на нового родича лапой. Вискрир небрежно махнул на него крылом, призывая замолчать. Потом презрительно оглядев Трефалкира, молодого и потрясённого новым миром, новыми родичами, сильной аурой исходящей от самого короля, заявил:

— Драконы не должны убивать друг друга, тем более в Долине и тем более этого чёрно-волшебника, которого рано или поздно пожрет его же волшебство. Представься, юнец, и скажи: что ты делаешь здесь?

В итоге, король всё же разрешил Трефалкиру остаться в Долине. Счёл его рассказ о своём невероятном детстве в снежных горах забавным, но уважительно пришёл к клювом, услышав имя названного отца земляного.

Одним из предупреждений было не использовать колдовство в Долине, чтобы не раздражать сородичей и не оскорблять чистоту места. Несмотря на полное соблюдение правил, остальные драконы относились к нему с опаской и недоверием, а кое-кто даже с отвращением. Одним из тех, кто подружился с ним, оказался Нивервир. Сын короля был примерно одного возраста с Трефалкиром, но ощущался гораздо старше и мудрее своих лет. Наверное, всё дело в его принадлежности к королевским драконам, которые выросли раньше прочих, даже становились на крыло не в пять лет, а в два года. Тогда всё было совсем по-другому.

От воспоминаний о том, в целом безмятежном, несмотря на некоторые нюансы, времени, его отвлёк звук хрустнувших веток. Самец обернулся — Роулсанэ неуклюже выбиралась из очередных зарослей. Долгое странствие и бегство от той твари измотали драконицу, она еле волочила лапы, задевая выступающие из земли корни.

— Мы почти пришли, скоро ты сможешь отдохнуть, — спокойно заметил Трефалкир.

— Да, мне не помешало бы дать лапам отдых, — драконица постаралась, чтобы голос звучал дружелюбно, но в нём по-прежнему слышалось опасение.

Но зелёный дракон не сердился на неё — он привык. Морская самка не виновата в своём бессознательном страхе перед ним. Но к её чести он отметил, что она держится спокойней многих. Может, потому что она была слишком молода, и её разум мог воспринять большее или наоборот, не мог прочувствовать всю глубину черноты. Роулсанэ выпуталась из витиеватых веток кустов и продолжила идти за земляным родичем.

Вскоре они вышли на опушку посреди леса, на которой располагалась небольшая скала и пещера. Трефалкир с улыбкой наблюдал за тем, как к нему подбегают дети, заинтересовано посматривая на его спутницу. Дракон склонился и потёрся головой о драконышей, а те восторженно смотрели на него.

— Ты поймал нарушителя? — нетерпеливо спросил Сардолас, недоверчиво косясь на незнакомку желтоватыми глазами.

— Можно и так сказать, — ответил Трефалкир и выпрямился.

— Здорово, — вымолвил Бэйлфар, с любопытством разглядывая нового для себя дракона.

Фангрэнэ же внимательно изучал её пристальным взором, нашёл, что её цветастый окрас имеет сходство с яркими пятнами на его шкуре. Чернокнижник сел на землю, делая мягкий, указывающий жест хвостом, и дети послушно повернулись мордами к самке, сев в ряд. Настало время официального знакомства, как и полагалось. Это должно и успокоить гостью, и порадовать драконят.

Впрочем, не дождавшись от неё приветственного изречения, самец без всякого раздражения представил её сам:

— Её зовут Роулсанэ, и она из южных морских драконов.

Самку вид любимых чад старшего дракона поначалу слегка напугал, лишив дара речи на какое-то время. Эти выпирающие челюсти, будто бы недоразвитые, у двоих ярко-зелёные языки. Но потом она разглядела в них прежде всего детёнышей, таких же, какой была она сама

пару лет назад. Дружелюбно им улыбнулась, повторяя приветственный поклон, и, наконец, представилась.

— Текущая Песня Течений, очень приятно с вами познакомиться.

Представились и дети, и её очаровало то, как они старались произвести на неё взрослое впечатление. В этот момент она забыла, что сама, почти ребёнок, пыталась выглядеть взрослой и самостоятельной, не нуждающейся в чём-то надзоре. Неприязнь и страх от ощущения чёрного колдовства начало развеиваться как дым — теперь перед ней было не совсем обычное, но нормальное семейство.

Исполнив краткий обряд вежливости и убедившись, что всё действительно в порядке, Трефалкир прошёл в пещеру и вынес драконице оленью ногу. Его дети, он сам были сыты. Пока Роулсанэ ела, драконыши толпились вокруг отца, что-то спрашивая, но стоило ей доесть, как они осторожно подошли к ней ближе. Она понимала, что любопытство сдает их. Им хотелось поговорить с ней, потрогать пушистые наросты, увидеть под ними жабры. Поэтому прибывшая терпеливо и без признаков усталости отвечала на все их вопросы.

— Ты уже путешествуешь, сколько тебе лет? — заинтересованно спросил Сардолас.

— Мне шесть лет, и я только начала свои странствия, а сколько вам? Ты, — самка ещё раз оглядела его фиолетовое тело, — выглядишь не намного и младше меня.

— Нам троим нет и двух лет со дня вылупления. Я старший, наверное, поэтому такой большой, — вполне логично предположил фиолетовый драконыш, не выказывая ни малейшего удивления тому, что его сравнили с подростком.

Испуга не было, скорее этот факт заинтересовал самку голубого цвета. Было очевидно, что дети перед ней смешанной крови. Скорее, это особенность рода их матери.

А вот свой вопрос: где их мать; она решила не задавать, лишь бросила взгляд на Трефалкира, лежавшего теперь на камне и глядевшего в никуда потускневшими, оранжевыми глазами. Роулсанэ поняла, что сознание дракона блуждает в другом месте, может, он пытается найти кого-то и поговорить насчёт того, что узнал от неё. Но драконица была уверена: реальность дракон тоже зрит, пускай и не так чётко. Сардолас проследил её взгляд и обстоятельно заявил:

— Папа сейчас не здесь, лучше ему не мешать.

— А ты правда из рода морских драконов? — не удержался и влез в разговор Бэйлфар.

Говоря это, он подался вперёд, пытаясь наконец-таки разглядеть жабры, и лапками наступил ей на хвост. Роулсанэ смущённо улыбнулась и повернула, чуть наклонив, голову к нему.

Трое драконышей тут же подошли ближе, рассматривая спрятанные и защищённые пушистыми наростами жабры. Алый малыш выглядел потрясённо и восторженно, когда продолжил расспросы.

— Значит, ты бывала на море? Папа говорит, что в море даже он может плавать и не доставать лапами дна, — поделился своими знаниями младший сын.

— Это правда, морские глубины необъятны. Даже мы, морские драконы, обитающие там, ещё не исследовали всё водное пространство, — говоря эти слова, она ощущала себя взрослой и знающей.

— Вы живёте под водой? — недоверчиво уточнил Сардолас.

— Мы можем жить и под водой и над водой, — Роулсанэ кивнула.

Чистейшая правда: морские драконы живут именно под водой, образуя колонии. Весьма странным выбор места обитания для существ, выдыхающих огонь. Однако так оно и было. Фиолетовый драконыш насупился и задумался, видимо, пытаясь определить ложь это или нет.

Возникла пауза, и тогда Фангрэнэ решил, наконец, поделиться своими наблюдениями.

— Как и тебе, мне покровительствует вода — наши окрасы похожи, — он встал на задние лапы и сделал на них круг, демонстрируя свою цветастость.

В самом деле, драконыш был в основном светло-зелёным, почти что болотным, а вот внутренняя сторона лап, хвоста, а также хребет были пока что яркого синего, чуть отдававшим зеленой, цвета. Такой же цвет занял верх лопаток и ту часть спины, откуда прорежутся крылья, а низ остался за зелёным. Роулсанэ важно и деловито осмотрела его и согласилась.

— Да, твой окрас напоминает речных драконов. Твоя мать вполне могла принадлежать к ним.

— Наша мать ледяная драконица, — с гордостью уточнил Сардолас, — она пока не с нами. Но папа говорит, что мы отправимся её искать, когда мы научимся летать.

Роулсанэ поняла, что, скорее всего, их матери нет в живых, раз Трефалкир использовал именно такую формулировку для своих детей. Когда они вырастут и станут старше, то смогут всё понять. А сейчас молодая самка лишь добро улыбнулась им, стараясь ничем не выдать этих своих мыслей.

Драконята расспрашивали её о первой охоте, о жизни под водой, о неизвестных им землях. Радовались, когда слышали подтверждения и свидетельства историям, услышанным от отца. Так и продолжалось бы очень долго, если бы Трефалкир не соскользнул со скалы и не подошёл к ним. Дракон с любовью окинул взглядом своих детей и сказал, уже предугадывая их реакцию.

— Мы завтра полетим в Скрытую Долину вместе с Роулсанэ. Я говорил с королём Нивервиром, он будет нас ждать.

Драконыши радостно запрыгали, даже не подумав над тем, как они, не умеющие летать, будут добираться до туда. Все эти взрослые мысли меркли на фоне восторга. Их первое путешествие! Да ещё и куда. В Скрытую Долину. Место, которое часто фигурировало в легендах. Особое, волшебное. Что могло быть лучше этой вести?

Наблюдая за чужой реакцией, самка вспомнила о чём-то и чуть нахмурилась, плотно сжав белые зубы.

— Я всё равно хотела бы полететь сама, — она встала, стараясь добавить в голос взрослости, — твои дети ещё без крыльев. Не стоит.

— Нам и так придётся полететь туда, — Трефалкир махнул крылом, говоря серьёзно и неуступчиво, — а раз нам по пути, то безопасней отправиться всем вместе.

— Но как полетят твои дети? — последняя попытка уйти из-под опеки, которая ей претила.

— Это моя забота, — кратко вымолвил самец, всем своим видом показывая, что этот разговор окончен.

Весь вечер драконята прыгали и выражали энтузиазм, смешанный с волнением, по поводу грядущего первого странствия. Да, их первая охота сорвалась, но зато как потрясающе, маняще выглядело путешествие в Скрытую Долину. Они не успокаивались и продолжали

обсуждать это событие, даже когда Трефалкир и Роулсанэ легли спать. В итоге дети смогли успокоиться только после того, как отец шикнул на них, выражая этим своё недовольство.

На утро, когда все проснулись, они собрались на поляне, с которой им предстояло начать непростой перелёт. Драконыши уже прятали свои «сокровища» в трещине одной стены пещеры. Речные сколотые ракушки, перо Нивервира, громоздкий олений рог. Идею предложил Бэйлфар, бессознательно повторяя привычку огненных драконов прятать свои ценности, пускай это и были лишь мелочи, а не блестящее золото, да драгоценные камни. За ночь Роулсанэ достаточно отдохнула, чтобы осилить долгий полёт. В реке она поспала бы и лучше и крепче, но в пещере под защитой старшего спалось на удивление спокойно. Впервые за всё то время не тревожило видение напавшей на неё твари, которая едва не сожгла её заживо. Зелёный дракон сидел расправляя и разминая крылья, когда драконица задала донимавший её вопрос:

— Долго нам лететь?

— Два дня — он прикрыл глаза и выдохнул: — с перерывом.

— Ты ведь понесёшь их на спине, — она посмотрела на драконышей, уже вышедших из пещеры и внимательно наблюдавших за движениями отца.

Дракон сжал когти на концах крыльев, отпустил. Малыши активно пытались повторить эти движения, особого внимания на взрослых более не обращая.

Тщетные попытки, но нельзя было не попытаться. Вдруг это ускорит прорезание крыльев? Ведь им так не терпелось покорять небеса, как и их родитель.

— Мне пришлось как-то всю ночь лететь со взрослым штормовым драконом в лапах, — что-то мелькнуло в оранжевых глазах, а складки губ дёрнулись. — Его ранили на войне стрелой. А трое моих детей все вместе не весят и половины его тела.

Роулсанэ пожала плечами — взрослому дракону виднее. Детёныши начали взбираться по хвосту на спину своего отца. Они уже делали так, когда ходили на реку, но ни разу ещё отец не летал с ними. Сам Трефалкир не переживал, не сомневался, что дети будут крепко держаться, и что, если что-то и случится, он-то успеет их подхватить. Сардолас и Бэйлфар уместились на его плечах, слегка стесняя движение плечевых, несущих костей, но не настолько, чтобы это существенно помешало полёту. Фангрэнэ устроился ближе к хвосту, рассудив, что оттуда он сможет наблюдать за морской драконицей, которая должна была следовать за ними, и вдобавок смотреть на удаляющийся лес.

Как только дети закрепились, Трефалкир повторил им слова предостережений и, только убедившись, что он был действительно услышан, расправил крылья, оттолкнулся всеми лапами и взлетел. Удивление и испуг в глазах драконышей сказали всё за них. Ни о каком озорстве, по крайней мере, в первый день пути, речи не было. Роулсанэ помедлила, давая дракону время осторожно и свободно подняться к верхушкам деревьев. Самец не спеша набирал высоту, делая круги над поляной. Со своими детьми на спине он выглядел громоздким, но и величественным в своей заботливой медлительности. Он делал медленные забирающие движения крыльями, чувствуя потоки воздуха, с каждым таким взмахом удаляясь от твёрдой опоры.

Чернокнижник сделал немного резкое движение всем телом, помогая крыльям, и драконыши сильнее вцепились коготками в его кожу. Вот они уже достигли крон деревьев. Драконица вспорхнула и без труда догнала спутников. Поравнявшись с ними, она увидела напряже-

ние на мордашках чад — они крепко держались лапками за спину отца, но никто из них не закрывал глаза, испытывая опасения по поводу набора высоты. Трефалкир выглядел едва ли не посмеивающимся, его пока ничего не тревожило. Он взлетел ещё выше, только уже не так плавно, а одним сильным движением крыльев, потянул носом свежий воздух. Драконята были слишком заняты видом удаляющейся земли, чтобы повторить отцовский жест, дабы ощутить ту прелесть полёта.

Дух полёта был восхитительным, за время сидения с детьми чернокнижник не позволял себе долгие или высокие, затяжные полёты. Наслаждаясь этим, вновь обретённым, простором и ветром, земляной самец, стараясь лететь ровно, устремился на северо-восток, к Скрытой Долине. Он говорил вчера с Нивервиром, и тот согласился, чтобы Трефалкир прилетел вместе с детьми и Роулсанэ к нему. Там король выслушает и лично расспросит морскую самку. Решит, что стоит сделать. Правда, была одна неприятность: в Долине сейчас находилась глава лавовых драконов, Зотарес. Она всегда была сторонником жёстких и радикальных мер, и ещё до начала войны стала чуть ли первым обвинителем бывшего короля.

Как следствие любую, по её мнению, мягкость от нынешнего воспринимала очень негативно, постоянно ставя авторитет Нивервира под сомнения, разжигая распри среди остальных драконов. Кто-то считал, что время королевских драконов истекло, и следует правителем назначить кого-то другого. А так, как сейчас лавовые драконы были самыми многочисленным и процветающим видом, то конфликт только нарастал. Но об этом можно подумать потом, когда они придут на место, а пока стоит насладиться перелётом вместе с детьми. Их первым путешествием.

7. Скрытая Долина

Трефалкир летел долго, иногда делая неопасные виражи, вызывавшие у его детей короткие возгласы скорее восхищения, чем страха. Несколько раз он обращал их внимание на земли, которые медленно проплывали далеко внизу, рассказывал что это за места. Роулсанэ, летевшая чуть поодаль, тоже с интересом слушала на удивление осведомлённого дракона и запоминала интересные сведения. Так и тянулись мили за милями, пока не наступил вечер, и земляной самец не начал снижаться, чтобы сделать привал и дать крыльям отдых. Как и взлёт, приземление он делал плавно, долго кружа над выбранной опушкой у границы леса, готовый и спикировать, и устремиться прочь в случае опасности.

Эта территория не принадлежала дракону — не было ни запаха, ни меток. Поэтому можно было не особо волноваться, что они нарушат чей-то покой и границы, что могло послужить поводом для нападения. Чернокнижник аккуратно приземлился на четыре лапы и опустил перепончатые крылья, позволяя драконышам без препятствий спуститься на землю. Они уже стояли на лапках и озирались, когда морская драконица уверенно и быстро опустилась на сероватую в сумерках траву рядом с ними. Долгий перелёт утомил её — она больше привыкла путешествовать в реках. Чадам такое многочасовое занятие тоже далось непросто, и сейчас они радостно разминали лапки, ощущая наконец под ними твёрдую почву, а не шкуру и тело отца. Он же был единственным на ком день лёта никак не отразился. Трефалкир оглядывал тёмные вечерние заросли, высматривая малейший признак угрозы. Принюхивался, выискивая подозрительные запахи, и бдительно прислушивался к шорохам леса, готовившегося встретить ночь.

Дракон мог бы отправиться на охоту, но решил, что безопасней будет не оставлять своих детей одних. К тому же, это была другая часть земель, и лучше было на ней не задерживаться. А сегодня и завтра можно потерпеть и без еды, учитывая, что сильного голода никто не испытывал. Роулсанэ легла на брюхо, свесив по бокам свои голубые крылья. Драконята хотели было направиться изучать новые для себя окрестности, но Трефалкир их остановил и сказал, что они останутся здесь только на короткий сон, и что драконышам не стоит разгуливать по незнакомому лесу. Они понурились, так как за день не особо устали, хоть впечатления и переполняли их, и не хотели спать. Насуплено наблюдали, как отец накладывает на поляну чары, призванные скрыть их присутствие и защитить от внезапной атаки.

Впрочем, смирившись с ограничениями, они принялись играть друг с другом, пытаясь выиграть в шутилой борьбе. Через какое-то время им это наскучило, и отец позволил им играть со своим чешуйчатым, ровным хвостом, небрежным движением заваливая детей на землю, обвивая их и смеясь с того, как они пытаются выбраться из захвата потенциального врага. Скоро они подрастут ещё больше, и такие игры превратятся в более серьёзные и болезненные для их родителя. Роулсанэ, с лёгкой улыбкой наблюдавшая за этой вознёй, подумала о своей семье, в которой такого не было. Её отец никогда не играл с ней. Мать обучала её всему, но такой тёплой заботы не ощущалось. Она не собиралась никому говорить, что попросту сбежала из дома, стоило только нахлынуть первому зову путешественника. Без спроса и предупреждения.

Юная самка почувствовала на себе тяжёлый взгляд Трефалкира, ощутившего некую перемену в мыслях вынужденной спутницы. Она стушевалась и, стараясь избежать неприятного, возможного вопроса, задала на упреждение свои:

— Ты бывал в Долине? Какая она?

— Несколько раз, — он, не прекращая водить хвостом, стаскивая драконят в сторону от себя, то ли хмыкнул, то ли фыркнул, — удивительное место, хотелось бы там бывать чаще.

Заметив мечтательность, с которой самец, вероятно, повидавший достаточно в своей жизни, произнёс последние слова, она и сама задумалась над тем, что могло её там ждать. Что можно там увидеть?

Роулсанэ слышала много хорошего об этом месте. Много благоговейного. Там рано или поздно хотя бы раз в жизни бывал каждый родич.

— Эх, надо было направиться туда в первую очередь, — она потянулась лапами вперед, вытягивая усталую спину.

— Не вышло бы, — Трефалкир возразил со взрослой наставительностью, — после войны в Долину сложно попасть. Тебя должен провести тот, кто бывал там, или тот, кто знает слово.

— М-м-м, — протянула Роулсанэ, слегка возмущённая таким отношением к себе, как к глупому несмышлёнышу.

— Завтра мы будем на месте, сможешь сама всё увидеть, — чуть безразличней добавил дракон, — а пока стоит поспать.

И за неимением лучшего самка свернулась клубком, стараясь уснуть и не думать ни о чём, что тревожило её. Вскоре уснули и драконыши, устроившиеся прямо на хвосте своего отца, а чернокнижник провёл ночь в полудрёме, охраняя своих детей и следя за скользящими меж стволов тенями, не желая быть застигнутым врасплох, если что-то случится.

Ещё не встало солнце, когда все проснулись. Трефалкир потягивался и разминал крылья, пока его дети сонно принимались к холодному предутреннему ветерку и запаху рос. Детёнышам отдых прямо под открытым небом был пока мало знаком, поэтому выспаться им не удалось. Роулсанэ тоже не ощущала особого прилива сил. Так долго летать она не привыкла — крылья совсем не отдохнули, а впереди ещё такой же день полёта. Трефалкир осмотрел своих спутников, прекрасно зная, что они с непривычки вымотаны, однако менять свой первоначальный план он не собирался. Дети выглядели слегка потерянными, но зелёный самец полагал, что правильней научить их сейчас преодолевать такие, пока ещё маленькие, трудности в жизни. Чем раньше они доберутся до Долины, тем будет лучше. Оттуда он может поскорее попробовать отследить свою Азайлас, и Нивервир сможет быстрее принять самое лучшее решение по поводу того, что видела Роулсанэ.

Поэтому дракон проигнорировал сонный вид своих детей и измотанность неопытной драконицы. Она вяло садилась и с явным усилием раскрывала крылья, давая им почувствовать ветер. Драконята, в отличие от вчерашнего, с большей охотой и чуть притуплённым энтузиазмом забирались на спину отца. Всё же они были рождены для небес и рано или поздно привыкли бы к высоте, на которую когда-нибудь смогут взлететь. Отец с гордостью смотрел на то, как они занимают привычные места на его спине, готовясь к взлёту. Летели они ещё часов пятнадцать, к тому времени пейзаж сменился на более равнинный и менее лесистый. За всю дорогу им никто не встретился. Роулсанэ уже была на грани того, чтобы попросить Трефал-

кира остановить путь, отринув всю свою гордость. Ей оставалось гадать, как он может так долго лететь, да ещё и с немалым грузом на спине.

Но внезапно дракон сам начал снижаться, круто забирая в бок, наклоняясь всем телом, отчего его сыновья какое-то время могли наблюдать мир, повёрнутый боком. Он приземлился, прямо на ходу сворачивая кожаные тёмно-зелёные крылья и шагая вперед. Роулсанэ последовала за ним и скорее рухнула на землю, чем села. Самка огляделась, прислушиваясь к своим ощущениям, пока драконыши весело спрыгивали со спины отца. Ничем не примечательное место, ни аурой, ни рельефом оно не выделялось. Обычная равнина с высокой травой, ни деревьев, ни какого-то особого нагромождения камней, лишь редкий кустарник. Тем не менее Трефалкир уверенно направился к вполне определённой, незримой точке. Набрал воздуха в грудь и склонился так низко, что широким носом коснулся земли, что-то прошептал ей. Пару мгновений ничего не происходило, но потом из ниоткуда им навстречу подул авра. Драконыши ощутили неясную перемену в обстановке и стали неуверенно озираться, то и дело встревоженно поглядывая на своего отца.

Тот с любовью смотрел на них и показал крылом, куда им идти. Сардолас переглянулся с Фангрэнэ, и оба направились туда, куда указал отец. Они замерли и обернулись, когда поняли, что Бэйлфар не идёт за ними, а испуганно смотрит на отца. Он понимающе улыбнулся и кивнул.

— Иди, не бойся. Каждый должен пройти сам.

Чуть приободрённый, красный малыш поравнялся со своими братьями и зажмурившись прошёл вместе с ними не зримую грань. Не случилось ни потока света, ни волшебного мерцания, ничего такого: они просто исчезли по ту сторону. Трефалкир же торжественно обратился к спутнице.

— Твоя очередь, текущая песня течений. Обычно родители приводят детей сюда, но раз так вышло, я возьму на себя эту ответственность.

— Спасибо, — пролепетала она и слотнула, испытывая такое же необъяснимое волнение как уже вошедшие в Долину драконыши.

Роулсанэ шагнула, не видя алыми глазами этот порог, но ощущая его какой-то частью души. Трефалкир подождал пару секунд в одиночестве и прошёл следом, замыкая за собой тайные ворота.

Всё оказалось иначе, чем в прежнем мире, даже воздух был чище, если такое возможно. Уже спустя минуту нахождения здесь становилось лучше, словно сила вливалась в тела, и она же успокаивала сомнения и страхи. Роулсанэ поняла, почему Трефалкир не останавливался весь день: усталость после дальнего перелёта постепенно растворялась сама собой. Причудливые деревья, казалось, цвели жизнью, казалось, смотрели на них как на давних друзей, приглашая разделить сны о древнем прошлом. Свет солнца был почти что осязаемым, таким он бывал только на мелководе, когда проходил сквозь небольшую толщу вод. Тогда ещё можно увидеть как волны заставляют причудливо танцевать прямые лучи света. Здесь было нечто похожее, почти волшебное. «Благословенный край», — зажмурился Трефалкир и не спешил идти дальше, позволяя драконышам насладиться этим чудом.

Он смотрел на них и видел такое же потрясение, какое испытал сам, когда впервые попал сюда. Дети оглядывались, не зная за что ухватиться взглядом, настолько всё было заворажива-

ющим. Морская самка разделяла их удивление, граничившее с беспричинным восторгом. Дракон, дав им четверым время на то, чтобы прийти в себя, направился по чудной тропе. Наряду с травой росли и цветы самых разных форм и благоухания, но вместе они создавали общий одуряющий запах цветения. Мерещилось, что под лапами они неспешно расступаются, помогая не задавить себя, при этом лепестками поглаживали чешуйчатую кожу. Примятые травы неуловимо глазу поднимались от земли, как только вес дракона уходил с них. А более лёгких драконят они вроде слегка подталкивали вперёд. Дети шли вслед за отцом, ошарашено наблюдая за движением лепестков, которое вполне могло быть вызвано лёгким ветерком. Но только они двигались не под воздействием потока воздуха, поднимаясь вверх, отклоняясь в сторону, провожая тем самым идущих драконов. А затем вроде стремились следом за ними.

Драконыши наступали очень осторожно, справедливо рассудив, что такое поведение больше напоминает живых существ, и боялись ненароком навредить им. Трефалкир знал, что беспокойство детей было напрасным — эти цветы не дадут себя задавить, даже если очень захотеть. Они шли куда-то к центру, именно такое ощущение создалось у голубой драконицы. Ветки деревьев, ломившиеся от густоты листвы, вроде бы поворачивались за ними вслед, а ветер, казалось, и вовсе шагал рядом, как шестой незримый спутник. Они прошли мимо озера, лишь ненадолго задержавшись возле него. Вода в нём была кристально чистой и такой объёмной, что ясно виделось дно и все мельчайшие камушки и песчинки. Плавали мелкие рыбы, и волны от их движений колыхали водоросли, развивавшиеся в медленном танце. К своей радости драконыши разглядели и подводные цветы, помимо лилий и кувшинок на поверхности ровной глади. На берегу росла ива, склонив ветви так, что они касались поверхности воды. Казалось, она о чем-то шепчется с озером. Если прислушаться, то, наверное, можно услышать о чем они толкуют.

Трефалкир, в кои-то веки расслабленный и по-настоящему спокойный, наблюдал за своими детьми. Как они вместе с Роулсанэ смотрят на рыб, не позволяя себе нарушать покой воды, как подбегают к иве и заглядывают в её крону. Дракон чувствовал внутри безграничную любовь к своим чадам, которая может вытеснить из его души все плохие мысли и тоску. С ними он чувствовал себя живым, как никогда раньше. Вскоре они возобновили свой путь по сказочному месту и приблизились к древним развалинам огромного, даже по меркам драконов, города. Впрочем, строения давно превратились в белый камень, а белый камень превратился в прибежище для растений. Цветущие кусты крепились на домах, и корни медленно превращали массивные блоки в пыль, которая крошкой лежала на каменных плитах наряду с увядшими лепестками. Плиты же ещё были местами покрыты мхом, скрывающим узор древней дороги. Виднелись выюны на стенах, иногда упавшие из-за того, что им не удалось зацепиться за выступы, но и на земле они продолжали виться.

Только тут Роулсанэ заметила, что стоявшее высоко солнце так и осталось на том же месте. Она хотела спросить Трефалкира об этом, но взглянув на то, как он блаженно подставляет этому тёплому, а не обжигающему свету крылья и морду, решила пока не тревожить его расспросами. Они могли подождать, а вот великолепие места — нет. Они весь этот путь шли молча, наслаждаясь волшебством и очарованием Скрытой Долины. Вскоре они прошли глубже в древний город, где по ощущениям находились и другие драконы. Трефалкир привёл их к самой высокой, более или менее уцелевшей башне, которую облюбовал как обиталище Нивервир. По дороге им встретилось несколько сородичей, и драконыши смогли ощутить на себе их

не особо радостные взгляды, поэтому они старались держаться ближе к своему отцу, не понимая, чем заслужили такое. Особенно было неприятно наблюдательному Фангрэнэ, понявший, что взрослые драконы брезгливо смотрят на его сморщенную складками морду.

К чернокнижнику драконы отнеслись чуть более сдержанно, наградив его приветственным вежливыми кивками, он ответил тем же. Ему не было никакого дела до них и их отношения. На морскую драконицу они же обратили больше благосклонного внимания, приветствуя её рыками. За всем этим земляной дракон дошёл до башни и остановился, ожидая, когда король сам спустится встретить гостей. Хотя гость вполне мог пройти внутрь, так как был верным другом Нивервиру, но правила существовали для всех — не стоило выделяться ещё больше. Дракониата и Роулсанэ неуверенно остановились позади дракона, не зная, какое поведение будет уместно. Пернатый дракон не заставил себя долго ждать, спикировал с одного из окон-бойниц на самом верху башни.

Он издал приветственный клёкот, известивший все окрестности, что пришли гости. Величественный, немного резкий в движениях, он опустил на задние лапы, передние держа перед собой. Пятеро склонились перед ним, пока король оглядывал прибывших своими бездонными синими глазами. Остановил взор на друге.

— Рад, что вы добрались сюда быстро и без неприятных инцидентов. Перелёт с детьми дело нелёгкое, — он прошёл чуть вперёд.

— Мы здесь, и это самое главное. Думаю, что ты при помощи одного из своих артефактов сможешь увидеть то, с чем столкнулась эта молодая драконица, — Трефалкир слегка наклонил голову в сторону спутницы.

— Ты хотел сказать детёныш, — резко заметил король, поворачиваясь к вышедшей вперёд самке.

Видеть правителя так близко ей ещё не доводилось. Несмотря на не впечатляющие габариты, его фигура источала подавляющую силу. Инстинкты подсказывали, что следует быть почтительной и слушаться его голоса. Чувствовалось естественное волнение перед превосходящим родичем, которое в любой момент могло перерасти в страх.

Эта порода занимала своё место по праву крови, дававшей ко всему прочему ещё и такую внутреннюю мощь духа. Она, справившись с эмоциями, чинно представилась, дабы не упасть в грязь мордой.

— Меня зовут Текущая Песня Течений, о король.

— Роулсанэ, — Нивервир же официоза не разделил, строго проговорив, — твоя мать выказывала беспокойство по поводу твоего исчезновения.

Эта фраза мигом выбила у неё взятый настрой, появился предательский детский страх. На секунду она не веря смотрела на пернатого самца. Как он узнал? Да ещё счёл нужным начать разговор с ней именно с этого. При всех. Но отводить глаза она не смела. Вместо этого заставляла себя подумать, чем ей это может грозить.

— Она здесь? — удивлённо спросила самка, переминаясь на белой плите с лапы на лапу.

— Нет, — пернатый насмешливо фыркнул, — но для любого сведущего в магическом искусстве не составляет труда связаться мыслями с драконами возле Долины. Она предвидела, что ты рано или поздно окажешься здесь. Думаю, что тебе стоит вернуться в море.

Роулсанэ пристыженно опустила голову, чувствуя, как обида на мать растёт и крепнет в душе. Как она могла так с ней поступить?

Ей не хотелось домой, и совсем недавно она ещё надеялась, что родительница поймет её, ведь та сама знала, что такое зов путника, примет право своей дочери пройти свой путь. Видимо, это было не так.

— Но, — Нивервир щёлкнул клювом, показывая, что хватит об этом, — сейчас речь пойдет о другом, более важном деле. Пройдёмте в мою башню.

Он хитро глянул на Трефалкира, незаметно подбодрив его, и направился внутрь по высоким ступенькам, запрыгивая на них как птица. Тёмно-зелёный дракон помог своим детям вскарабкаться на плиты: ему пришлось приподнимать их за холки. Последней понуро плелась молодая драконица.

8. Око

Когда Трефалкир помог своим детям забраться на плац, то им открылся вид на вход в башню. Когда-то, очень давно, здесь стояли ворота, но теперь об их существовании можно было только догадываться по подобию петель и болтов на белых стенах. Проход был достаточно большим, чтобы дракон мог влететь туда и не задеть его края кончиками крыльев. Но сейчас Нивервир миновал его на лапах, пружинящей походкой, ведя за собой земляного дракона. А молодняк нерешительно следовал за старшими, не решаясь их обгонять, несмотря на любопытство: аура, окружавшая и заполняющая само сооружение, была немного иной, чем в самой долине. Последней в башню зашла Роулсанэ, всё ещё расстроенная и размышляющая над новостями из дома. Если родители оповестили драконов в Долине, значит, они переживали за неё. Она надеялась, что, несмотря на сказанные слова, её не заставят отправляться назад к морю, как этого могли хотеть родители.

Но она переживала напрасно: старшим драконам было совершенно не до того. Это, если уж на то пошло, не представляло какой-либо проблемы. И Трефалкира, и Нивервира занимало то, что увидела юная драконица в землях Равнин. Они собирались посмотреть на это её глазами, используя магическое Око, артефакт хранившийся в башне короля. Весьма надёжный способ увидеть воспоминания и многое другое. И главное, в отличие от грубого проникновения в мысли, как умел делать это чернокнижник, он был безвредным. Нивервир собирал подобные артефакты, хотя сам скорее полагал, что просто возвращает их со всех уголков света домой. Он ревностно считал любую старую вещицу, наделённую магией, собственностью драконов. И после войны его коллекция щедро пополнилась ими. В том числе и Оком.

Оно открывало прошлое, настоящее, и, совсем редко, будущее. Не всегда удавалось понять, какое видение оно показывало. С прошлым было несколько проще, Роулсанэ просто должна будет вспомнить ту злополучную встречу, а Око всё отобразит. Трефалкир так же надеялся, что его друг разрешит ему с помощью волшебного артефакта предпринять попытку отыскать Азайлас в бесконечной белой пелене снежных гор. «Во всяком случае, ты дал мне надежду на такую возможность», подумал про себя дракон, смотря как Нивервир останавливается посреди зала. Башня была многоуровневой, и по её периметру ввысь стремилась винтовая лестница. На первом этаже совсем ничего не бросалось в глаза, если не считать причудливых рельефных узоров на белых камнях.

На полу же встречались перья, обломки веточек, небольшие охапки ещё золотой соломы, взявшейся непонятно откуда. Как королевский дракон, Нивервир даже будучи взрослым продолжал вить себе гнёзда для хорошего сна и большего комфорта. Сон на голых камнях или земле его категорически не устраивал. Такая «необходимость», как и две пары крыльев, перья, загнутые когти, частичная невосприимчивость к враждебной магии, долгая, по меркам драконов, жизнь — всё это можно называть даром от древних предков — фениксов. Нивервир любил высоту, поэтому гнёзда вил на самом последнем этаже, а внизу встречались остатки: сверху падали веточки, мелкие обрывки и прочий сор.

Король повернулся к гостям, сложив одну пару крыльев, а вторую держа пока раскрытой.

— Трефалкир и Роулсанэ поднимутся на второй этаж, я уже достал Око. А вы, — он наклонил голову набок, обращаясь к драконышам, — останетесь здесь и постарайтесь не шуметь.

Детёныши, слышав серьёзность, с которой он произнёс эти слова, лишь молча закивали. Это было распоряжение их короля, и они, как маленькие подданные, собирались чётко его исполнить. Даже обида от того, что такую же как они, по их мнению, драконицу наверх пустили, а их нет, не успев толком набрать силу, исчезла. Раз для них нашлось поручение, то они собирались проявить себя достойно. Ведь совсем необязательно шуметь или что-то трогать, чтобы иметь возможность тихо перешептываться, осматривать первый этаж башни, в разы большей, чем их пещера. Конечно, драконятам больше хотелось выйти наружу, чем быть внутри здания, но прогулка могла и подождать.

Нивервир взмахнул парой крыльев и оторвался от пола, вскакивая сразу на середину лестницы, ведущей на следующий ярус. Трефалкир повёл за собой молчащую самку, поглажив детей носом напоследок. Они так старались выглядеть старше и серьёзней, но на их мордашках всё равно прекрасно читалось потрясение, смешанное с любопытством. По крутым, местами сколотым ступенькам отец семейства взбирался спокойно, перешагивая их, а Роулсанэ пришлось постараться, так как она была просто меньше взрослых. Король уже ждал наверху, нетерпеливо поправляя двухцветные перья клювом. Наподобие пьедестала из балок и обломков камней лежала светящаяся и переливающаяся сфера, искусная работа древних мастеров. Трефалкир сел рядом с Нивервиром, а он, как только молодая драконица забралась наверх, нетерпеливо начал ей объяснять.

— Подойди к Оку и просто думай о том, что тогда случилось. Сосредоточься. Так мы сможем увидеть твои воспоминания.

Роулсанэ поёжилась, но послушно приблизилась к магическому артефакту, излучавшему холодную силу.

Возвращаться в прошлое не хотелось, да и не была она уверена в том, что сможет вспомнить всё столь чётко и ясно, как от неё требовалось. Драконица оглянулась на спокойного Трефалкира, ожидающего видений, на короля, чей хвост слишком резко ходил из стороны в сторону. Выбора у неё не было, поэтому она перевела взгляд алых глаз на сферу и попыталась погрузиться в собственную память. По началу не выходило ничего, но потом её вроде стало затягивать в Око, которое сплетало своё мерцание с обрывками её воспоминаний. Оно словно восстанавливало их, возвращало им краски и ясность. Роулсанэ как будто призраком вернулась назад в недавние дни, но при этом она продолжала находиться в башне. Морская самка словно медленно проваливалась внутрь, как в долгожданный сон, мысли о настоящем теряли свою силу, теперь она могла думать только о том дне. Когда всё началось? Да, пожалуй всё началось...

Когда она добралась до пределов Западной Равнины. Большую часть пути она проплыла по рекам, но последнюю летела. Ей периодически попадались то ли выжженные, то ли истлевшие леса с почерневшей землей, и на подступах к равнине не встретилось ни одной речушки. Но в целом после войны природа уже начала своё медленное восстановление. Тут и там на проплешинах желтела новая трава, которая ценой своей жизни вытягивала из этого

места всё плохое. На некоторых мёртвых деревьях виднелись новые, тонкие ветки, выросшие определённо после развернувшейся здесь баталии. Но к своей грусти и тоске Роулсанэ заметила, что не слышит птиц и не видит никакой другой живности.

Пока только царство растений возвращалось в это место. Драконица печально осматривала просторные окрестности равнины, с болью обнаружила несколько балок высохших рек. «Журчание воды ещё долго не вернётся в эти русла», думала она, трогая бывшее дно, теперь совсем сухое и пыльное. Вдали вырисовывался разрушенный замок, ныне больше напоминавший бесформенную грудку чёрных камней. Приближаться к развалинам не хотелось, от них веяло чем-то страшным и омерзительным. Именно здесь и произошло финальное сражение, закончившее войну.

Место было великим, но прежде всего оно было шрамом на земле, напоминавшим людям о последствиях игр с природой, а драконам о последствиях беспечности. Роулсанэ спокойно брела по пустынной, тихой равнине, осматривая её, пытаясь представить какие силы здесь сошлись в столкновении. Она нашла следы от магических барьеров, рытвины от чего-то тяжелого, несколько особо выгоревших пепелищ. Голубая самка как раз рассматривала камень, странно почерневший и треснутый, когда услышала вдалеке то ли визг, то ли клёкот. Она обернулась, ища глазами источник звука. Могла бы списать на разыгравшееся воображение, но вокруг не слышалось ничего кроме редкого завывания ветра. Ей не померещилось. В добавок крик был явно животного происхождения. «Может кто-то всё же поселился здесь?», драконица чуть попятилась от нахлынувшего чувства угрозы. Ничто хорошее здесь поселиться не могло.

Роулсанэ уловила какое-то движение возле развалин, потом кто-то взметнулся в небо. Чтобы это ни было, оно заметило её присутствие и теперь направлялось к ней. Голодное и безумное. Она чётко почувствовала эти изменения в обстановке. Инстинкт велел убираться отсюда как можно скорее. Самка разбежалась и полетела, не стараясь набрать высоту, тратя больше усилий на скорость. Нечто же стремительно летело прямо к ней, и от этого приближения становилось очень страшно. Дико страшно. Это было что-то чуждое и враждебное её природе. Вскоре существо было уже на расстоянии нескольких десятков метров от драконицы. Она слышала этот скрежещавший крик прямо за собой и рискнула обернуться в полёте.

Тварь не была драконом, не была виверной, не была грифоном, не была птицей — она была странным и мерзким сочетанием всего этого. Тёмно-красные, местами алые перья покрывали крылья, на туловище виднелись лысые островки с пятнами чёрной кожи. Клюв кривой и изогнутый как у грифона. Чтобы это ни было, оно не умело говорить, потому что только яростно клекотало. Тварь приблизилась и сделала выпад, чтобы пробить крыло напуганному подростку своими загнутыми когтями. Чтобы потом сожрать её.

Едва эта ясная мысль успела молнией проскочить в голове Роулсанэ, как она уже делала вираж, интуитивно уходя от удара. Тело твари задело её, но скользящим ударом, и упало на землю, ввинчиваясь в неё, поднимая кусочки земли вверх. Драконица резко повернула в другую сторону, стремясь как можно скорее уйти от этого ужаса и постоянного визга, пока создание из кошмара вставало на нелепые лапы и отряхивалось. Она уже приближалась к омерт-

вевшим деревьям, едва ли осознавая, что так быстро она ни разу за всю жизнь не летала, как сзади полыхнуло удушающим жаром. Роулсанэ рискнула обернуться в последний раз. Тварь воспламенела, её перья стали огнём, тут и там сквозь чешую и пластины пробивалось рыжее пламя. И оно уже летело на морскую драконицу. Одного этого вида голодного и безумного огня хватило, чтобы больше не оборачиваться.

Чудом Роулсанэ сквозь страх и панику смогла ощутить речную протоку вдалеке, куда и устремилась. Наконец в путанице серых стволов деревьев показалась текущая вода. Драконица на лету нырнула туда и поплыла у самого дна по течению, надеясь, что нечто не последует за ней. На самом деле горящая тварь оставила её, как только достигла кромки леса, но Роулсанэ казалось, что её преследуют ещё долгое время. Даже сейчас самка могла ощущать этот прозрачный жар на своих крыльях, лапах, хвосте. Или в какой-то момент жжение стало не таким уж фантомным...

Роулсанэ вырвалась из этого омута памяти едва ли не крича, с ужасом осознавая, что её шкуру жжёт наяву. Трефалкир уже стоял рядом и магией вытягивал появившийся из прошлого огонь, не давая ему разрастись или навредить. Оба взрослых дракона были удивлены, когда кожа драконицы начала дымиться. Чернокнижник сразу подскочил к Роулсанэ и начал колдовать. Несмотря на нешуточное беспокойство, он в целом сохранял хладнокровие, сосредоточенный на избавлении от огня. На морде Нивервира угадывалась мрачная удовлетворенность и напряжённость: всё оказалось несколько хуже, чем хотелось, чем кто-либо мог предположить. Единственное, что король твёрдо осознавал: им придётся сперва изловить это создание, каким-то образом сохранившее себе жизнь после войны.

Трефалкир закончил поглощать живое пламя и отступил назад к стене. Драконица успела заметить странное зеленоватое свечение в его оранжевых глазах.

— Тебе чертовски повезло, Роулсанэ, — наконец начал Нивервир, — ты хорошо справилась. Теперь иди вниз и жди там вместе с драконышами.

Драконица сама была рада поскорее отойти от волшебного Ока, которое смогло вернуть её назад. В реальный кошмар. Она решительно, не оглядываясь, направилась к ступеням, ещё испытывая волны видений, раскаты скрежещущего клёкота в уголках сознания. На первом этаже её встретили заинтересованные драконята, которые смутно чувствовали, что наверху происходит что-то очень необычное, но не решались нарушить приказ, отданный королём. Им не терпелось разузнать о произошедшем наверху.

Оставшийся наверху Трефалкир задумчиво скрёб подбородок кончиками когтей. В открывшемся видении он заметил куда больше деталей, чем король. Тот же, тем временем, методично ходил кругами у Ока и, наконец, обратился к чернокнижнику.

— Что скажешь, старый друг? Лететь туда всё равно придется.

— Могу сказать, что этот гибрид удачней прежних, — пробормотал земляной самец, чуть покачал головой.

Он думал над всем этим, над тем, как будет правильнее изложить свои мысли, что могли оскорбить и разозлить остальных. Этот случай не так прост и однозначен, как предыдущие.

По целому ряду причин, которых нельзя не учитывать нынче. С которыми далеко не все примирятся.

Всё это даже сейчас, во время личного обсуждения, добавляло сложностей.

— С чего ты так решил? — пернатый дракон остановился и боком посмотрел на собеседника.

— Он не старше как раз шести лет, — осторожно начал Трефалкир с менее болезненного, — даже если учитывать влияние всех видов, замешанных в нем.

— Чёртовы маги, их игры с природой, жизнью и смертью не прошли даром, — сердито выругался король, вернувшись к нервному хождению по кругу.

Его длинные загнутые когти клацали по камням, нарушая вновь возникшую напряжённую тишину. Тёмно-зелёный дракон смотрел на них с отстранённостью, и что-то окончательно и обречённо сложилось в голове. Решил, что глупо пытаться игнорировать этот факт. Нивервир, скорее всего, и сам чувствовал это, поэтому и вел себя так нервно, хоть и кое-как скрывал это.

— Ко всему прочему, ты и этот гибрид ближе, чем кажется, — эти слова чернокнижник произнёс спокойно, неотрывно глядя в глаза Нивервиру, хоть и знал, как реакция последует.

Король тут же взметнулся, крылья раскрылись и задели Око, которое упало с пьедестала со звоном и покатилося к стене.

Синие глаза, казалось, полыхали необузданной яростью.

— Не смей говорить мне об этом! Не смей! — прошипел он, угрожающее вздыбив перья.

Трефалкир не отводил взора и остался спокойным. Друг злился не на него, а на то, что человеческие маги сделали с кровью его рода. Нивервир сейчас был единственным королевским драконом, и, если окаменелая кладка яиц не вернётся к жизни, то он будет последним. Этот гибрид, выведенный именно людьми, нёс в себе ту самую королевскую кровь. Потому что именно её маги брали за основу подобных экспериментов. Зелёный дракон прошёл в сторону, поднял лапой Око и вернул его на прежнее место. Нивервира потряхивало от ненависти и гнева, но усилием воли он всё же взял себя в лапы, тяжело и медленно выдыхая.

Трефалкир покосился на провал лестницы, его дети, должно быть, переживают за него, ощущая запах недовольства, идущий от последнего чистокровного властителя.

— Я бы предпочёл, чтобы об этом никто не узнал. Мы вдвоём вполне могли бы устранить это недоразумение. Но учитывая, что сейчас в Долине Зотарес, и учитывая наши дальнейшие действия, утаивать неправильно, — изрёк более спокойным тоном Нивервир.

— Тогда лучше сказать остальным об этом сейчас и объявить, что ты собираешь решить эту проблему в ближайшее время, — посоветовал Трефалкир.

— Да, так будет лучше, — король направился к лестнице, потом обернулся, — у тебя есть минут пятнадцать, чтобы использовать Око. Не больше, так как дальше мы объявим о существовании этого гибрида. Я пока отвлекусь, рассказывая твоим детям о правилах Долины.

— Спасибо, друг, мне этого хватит, — дракон благодарно посмотрел на удаляющегося Нивервира оранжевыми глазами.

Он повернулся к магическому артефакту, способному заглянуть сквозь время. Сфера вроде бы обратила к нему свой свет, и Трефалкир мысленно шагнул ему навстречу, держа в голове лишь одну мысль. Азайлас. Найти Азайлас.

Нарастающее свечение стало белеть и мутнеть, всё больше напоминая настоящую снежную завесу. Стало холодать, или ему просто мерещился этот кусачий мороз. Это не имело значения, важным лишь то, что Око медленно проносило его сквозь снегопад. Дракон будто бы почувствовал чьё-то присутствие, но такое равнодушное, почти скучающее. Может, это был дух самих гор? Но почему это присутствие ощущалось так похоже... на его названного отца? Внезапно медленное продвижение остановилось, дракон даже не сразу смог осознать, что обзор застыл на одном месте. Трефалкир начал суматошно оглядываться, ничего не увидел, потом, вспомнив особенности работы с Оком, подумал и мысленно устремился к образу своей возлюбленной. Ничего не изменилось, совсем ничего. Он видел только снег и лед. В нарастающем отчаянии он снова попытался найти образ ледяной драконицы и услышал, или почувствовал, медленное биение сердца.

Дракон не успел разобрать что-то ещё. Его буквально вышибло из видения. Он открыл глаза, только в этот раз в реальности, и его действительно сковало ужасающей волной холода. На секунду, только на одну секунду, он увидел в волшебной сфере чей-то живой глаз, смотрящий на него в ответ. Видение померкло окончательно, Око вернулось в своё прежнее состояние. Трефалкир не стал задерживаться рядом с вещицей или думать над тем, что же это могло быть. Всё разгоняло узнанное: Азайлас был

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.